

Н. Ф. АЛЕФИРЕНКО

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

ВВОДНЫЙ КУРС

*Допущено
Учебно-методическим объединением
по направлениям педагогического образования
Министерства образования Российской Федерации
в качестве учебного пособия для студентов
филологических специальностей высших учебных заведений*

УДК 800 (075.8)

ББК 81я73

A489

Рецензенты:

кафедра общего языкознания и истории языка
Магнитогорского государственного университета (зав. кафедрой — доктор
филологических наук, профессор *С. Г. Шулежкова*); доктор филологических
наук, академик РАЕН, профессор ГИРЯ им. А. С. Пушкина *В. М. Лейчик*

УДК 800 (075.8)

ББК 81я73

Алефиренко Н. Ф.

A489 Теория языка. Вводный курс: Учеб. пособие для студ. филол. спец. высш. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2004. — 368 с.

ISBN 5-7695-1448-5

В пособии рассмотрены основные вопросы курса «Введение в языкознание» в соответствии с действующей программой. Многие традиционные разделы курса («Язык и мышление», «Природа и сущность языка», «Классификации языков мира», «Фонологические и грамматические теории», «Семасиология») раскрываются с учетом новейших достижений языковедения (социо- и психолингвистики, синхронической и диахронической, когнитивной лингвистики).

Для студентов филологических специальностей высших учебных заведений; может быть рекомендовано также для студентов педагогических колледжей, преподавателей гимназий, лицеев.

© Алефиренко Н.Ф., 2004

© Образовательно-издательский центр «Академия», 2004

ISBN 5-7695-1448-5

© Оформление. Издательский центр «Академия», 2004

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Язык как система	5
Объект и предмет науки о языке	11
Язык и речь	12
Единицы языка и единицы речи	16
Природа и сущность языка	18
«Биологическая» теория языка	19
Психологические подходы к сущности языка	22
Язык как общественное явление	24
Многокачественная природа языка	27
Основные этапы порождения речи	35
Функции языка	38
Проблема происхождения языка	41
Легенды и мифы	42
Античные теории	43
Язык — продукт человеческого естества	45
Социальные теории происхождения языка	48
Яфетическая теория	49
Материалистическая теория	52
Развитие и функционирование языка	57
Основные понятия	57
Языковые контакты	63
Социальные условия развития и функционирования языка	69
Генеалогическая классификация языков мира	86
Фонетика и фонология	94
<i>Фонетика</i>	94
Фонетическое членение речи	94
Звуки речи. Акустические свойства звуков	100
Просодика	104
Фонетические процессы	111
Чередования	121

Фонология	123
Из истории фонологии	123
Фонема и звук	128
Восприятие звуков и фонема	130
Историческая фонология. Конвергенция и дивергенция	133
Фонологические школы	139
Современные теории фонемы	146
Письмо	161
Язык и письмо	161
Исторические предпосылки возникновения письма	163
Этапы развития письма. Типы письма	164
Основные категории письма	179
Графика и орфография	181
Лексикология	191
Основные понятия	191
Слово как предмет лексикологии	196
Лексическое значение слова. Аспекты лексического значения	198
Проблема «тождества слова»	203
Моносемия	205
Полисемия. Способы ее развития	207
Омонимия	211
Синонимия	217
Антонимия. Функции антонимов	221
Паронимия	228
Типы лексических полей	231
Динамика словарного состава и его стилистическое расслоение	239
Лексикография	246
Основные понятия	246
Основные типы словарей	248
Фразеология	251
Категориальные свойства фразеологической единицы	252
Классификация фразеологических единиц	256
Фразеологическое значение	259
Источники возникновения фразеологических единиц	264
Этимология	267
Морфемика и словообразование	272
Морфемный состав слова	273
Типы морфов	276
Словообразовательная структура слова	278
Производные и производящие слова (основы)	278
Словообразовательный тип	280

Словообразовательная модель	281
Словообразовательное значение	281
Способы словообразования	283
Грамматика	287
<i>Морфология</i>	288
Грамматическое значение	288
Способы и средства выражения грамматических значений	292
Грамматическая форма	313
Грамматическая категория	316
Историческое развитие морфологии	322
<i>Синтаксис</i>	332
Основные понятия	332
Словосочетание	335
Предложение	341
Историческое развитие синтаксического строя	355
Основные учебные пособия	363
Список условных сокращений	364

ВВЕДЕНИЕ

Язык — одна из самых таинственных мировых загадок, которую люди пытаются разгадать не одно тысячелетие. Донаучные представления о языке отражены в многочисленных мифах, легендах и религиозных сочинениях. Зарождение научной картины мира предполагало, разумеется, и накопление достоверных знаний о языке. Первые филологические знания формировались в самых разных науках о человеке и его мире, древнейшей из которых была философия (Древняя Индия, Древняя Греция, Древний Рим, Китай, Арабский Восток и др.). Накопленные за много веков наблюдения и знания о языке и родственных связях между отдельными языками приблизительно к XVIII в. создают основу для выделения языкознания в специальную научную дисциплину, уже располагающую «своим» предметом и методом (сравнительно-историческим) изучения языковых явлений.

Языкознание (языковедение), или лингвистика (от лат. *lingua* «язык»), — наука, изучающая человеческий язык вообще и отдельные (живые или мертвые) языки. В связи с этим выделяют общее и частное языкознание.

Общее языкознание рассматривает все то, что свойственно любому языку мира (или большинству языков). К важнейшим проблемам общего языкознания относятся проблема природы и сущности языка, вопросы, связанные с его устройством и организацией, система языка, закономерности его происхождения, развития и функционирования, классификация языков мира, методология, методы и приемы лингвистических исследований, связь языкознания с другими науками (философией, логикой, психологией, филологией, этнографией, историей, социологией, семиотикой, анатомией и физиологией, математикой, статистикой, кибернетикой и др.). К ним относится также проблема возникновения и развития письма.

Частное языкознание занимается изучением отдельных языков или группы родственных языков. Существует, например, русское, чешское, польское, китайское языкознание (или, соответственно, русистика, богемистика, полонистика, китаистика). Языкознание, изучающее германские языки (английский, немецкий, нидерландский, шведский, датский, норвежский, исландский

и др.), называют германистикой, языкознание, изучающее славянские языки, — славистикой и т.д. Общее и частное языкознание располагают особой теоретической базой (ср.: теоретические основы славистики, теоретическая грамматика английского языка и т.п.). Наряду с теоретическим существует прикладное языковедение, которое решает как общие, так и частные задачи: обучение языкам, создание письма, культура речи, создание систем автоматического перевода, автоматического поиска и т.п.

В зависимости от целей и задач исследования частное языковедение может быть либо *синхроническим* (от греч. *syn* «вместе с» и *chronos* «время»), если изучает языковые явления в одной временной плоскости (напр., современный английский язык безотносительно к его истории), либо *диахроническим* (от *dia* «сквозь, через»), *историческим*, если прослеживается историческое развитие языка, затрагивающее разные его временные периоды (напр., историческая грамматика русского (украинского, белорусского) языка).

Каждое направление располагает особым арсеналом лингвистических методов (от греч. *methodos* «путь познания») — совокупностью научно-исследовательских приемов изучения языка, связанных с определенной лингвистической теорией и методологией.

Важнейшими методами синхронического языкознания являются описательный, структурные (дистрибутивный, трансформационный, компонентный), типологический, статистический и др. Диахроническая лингвистика своим становлением обязана сравнительно-историческому и историко-сравнительному методам. Первый разработан для сравнения родственных языков в их историческом развитии, а второй — для изучения языковых явлений одного и того же языка на разных этапах его развития.

Методология — это философское учение об основных путях и способах познания языковой действительности. Содержание методологии определяется ведущими *принципами* познания (принципы системности, историзма и взаимосвязи теории и практики), *законами* диалектики (перехода количественных изменений в качественные, закон единства и борьбы противоположностей, закон отрицания отрицания) и категориями (наиболее общими понятиями типа *единичное* и *общее*, *конкретное* и *абстрактное*, *тождество* и *различие*). Философские и общенаучные принципы, законы и категории находят специфическое преломление в собственно лингвистических принципах, законах и категориях, лежащих в основе того или иного лингвистического учения (о звуковом составе языка, о словарном составе, учение о грамматическом строе и т.п.).

Осмыслить принципы основных учений о языке, раскрыть закономерности формирования и функционирования языковых единиц, установить взаимосвязь языковых категорий — важнейшая задача курса «Теория языка».

ЯЗЫК КАК СИСТЕМА

Выполнение языком сложнейших общественно значимых функций — мыслеобразующей и коммуникативной — обеспечивается его исключительно высокой организацией, оперативным динамизмом и взаимообусловленностью всех его элементов, каждый из которых хотя и имеет свое особое назначение (*различать* смыслы, *дифференцировать* формы, *обозначать* предметы, процессы, признаки окружающей действительности, *выражать* мысль, *сообщать* ее), подчинен единой общезыковой задаче — быть средством общения и взаимопонимания. В соответствии с этим уже стало бесспорным понимание языка как открытого (постоянно развивающегося) системно-структурного образования. При этом основными категориями выступают «система» и «структура». Первая соотносится с такими понятиями, как «совокупность», «целое», «интеграция», «синтез» (объединение), а вторая с понятиями «организация», «строение», «упорядоченность», «анализ» (расчленение). Существуют разные интерпретации характера соотношения этих категорий. Однако наиболее признанными и приемлемыми являются следующие.

Система языка — это целостное единство языковых единиц, находящихся между собой в определенных взаимосвязях и отношениях. Сама же совокупность закономерных связей и отношений между языковыми единицами, зависящих от их природы и определяющих своеобразие языковой системы в целом, образует структуру языковой системы. Структура — основное свойство языковой системы. Она предполагает расчлененность языка как целостного образования на составляющие, их взаимосвязь, взаимообусловленность и внутреннюю организацию. Для названия компонентов языковой системы обычно используются термины *элементы*, *единицы языка*, *языковые знаки*, *части (группы)*, *подсистемы*.

«Элемент» — наиболее общее терминопозначение компонентов любой системы, в том числе и языковой. Это относительно неделимый объект в составе определенной системы, а система — сложное единство взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов. В лингвистических работах элементы языковой системы чаще называются единицами языка, или языковыми единицами (*фонема*, *морфема*, *слово*, *предложение*), а элементами именуют те

составные части, из которых образуются единицы языка (например, идеальными элементами языковой единицы являются *семы* — мельчайшие компоненты ее значения; материальными элементами языковой единицы выступают: для морфемы — фонемы, или звукоряд, звукокомплекс, звуковая оболочка, а для слова — морфемы (корень, приставка, суффикс, окончание), для словосочетания — слова и т.д.).

Следовательно, не все объекты языка могут быть названы единицами языка. Статус единицы языка могут получить величины, если они *обладают* следующими свойствами: 1) выражают некоторое значение либо участвуют в его выражении или различении; 2) выделимы в качестве некоторых объектов; 3) воспроизводимы в готовом виде; 4) вступают между собой в закономерные связи, образуя некоторую подсистему; 5) входят в систему языка через свою подсистему; 6) находятся в иерархических отношениях к единицам других подсистем языка (такие отношения могут быть охарактеризованы в терминах «состоит из ...» или «входит в ...»); 7) каждая более сложная единица обладает новым качеством по сравнению с составляющими ее элементами, поскольку единицы высших уровней не являются простой суммой единиц низших уровней.

Различают доминативные единицы языка (фонемы, морфемы), номинативные (слова, словосочетания, фразеологизмы) и коммуникативные (предложения, сверхфразовые единства, периоды, тексты).

Единицы языка теснейшим образом связаны с единицами речи. Последние реализуют (объективируют) первые (фонемы реализуются звуками, или фонами; морфемы — морфами, алломорфами; слова (лексемы) — словоформами (лексами, аллолексами); структурные схемы предложений — высказываниями). Единицы речи — любые единицы, свободно образующиеся в процессе речи из единиц языка. Их основными признаками являются: *производимость* — свободное образование в процессе речи; *комбинаторность* — сложное строение в результате свободного комбинирования единиц языка; способность входить в более крупные образования (слова — в состав словосочетаний и предложений; простые предложения — в состав сложных; предложения образуют текст).

Единицы языка и речи являются в основном знаковыми образованиями, поскольку они обнаруживают все признаки знака: имеют материальный план выражения; являются носителями некоторого мыслительного содержания (значения); находятся в условной связи с тем, на что они указывают, т.е. обозначают предмет мысли не в силу своих «природных» свойств, а как нечто социально предписанное.

Из ряда знаковых единиц языка обычно исключают лишь фонему, поскольку она лишена значения. Правда, ученые Пражской лингвистической школы фонему относили к числу языковых знаков,

поскольку она участвует в различении смыслового содержания, сигнализирует о той или иной значимой единице языка. Полузнаковым характером обладает и морфема (корень, приставка, суффикс), так как она не передает самостоятельно информации, а значит и не является самостоятельным знаком (да и опознается лишь в составе слова). Остальные единицы языка — знаковые.

Языковой знак — чувственно воспринимаемая единица языка или речи, передающая информацию о другом предмете (явлении), находясь с ним в условной (социально и исторически обусловленной) связи. Определение знаковой единицы языка варьирует в зависимости от приверженности ученого к одной из существующих знаковых теорий языка: монологической или билатеральной. Согласно первой, знаком считается лишь материальный аспект единицы языка (звукоряд, план выражения, означающее). Сторонники второй теории убеждены, что языковым знаком является двусторонняя материально-идеальная единица языка, поскольку для носителей одного и того же языка план выражения (означающее) и план содержания (означаемое) знака представляют собой неразрывное единство, которым, собственно, и характеризуется единица языка. Следовательно, язык — это знаковая система особого рода (вторичная, материально-идеальная, исторически и социально обусловленная, открытая, т. е. развивающаяся).

Элементы, единицы языка и языковые знаки следует отличать от частей и подсистем единой языковой системы.

Как часть системы можно рассматривать любую группировку языковых единиц, между которыми устанавливаются внутренние связи, отличающиеся от связей между самими группировками. Внутри системы образуются таким образом подсистемы (в словарном составе — лексико-семантические группы, семантические поля; в морфологии — подсистемы спряжения глаголов или склонения имен и т. п.).

Языковые единицы, образующие систему языка, могут быть однородными и неоднородными. Между однородными единицами языка исключены иерархические отношения; они присущи только неоднородным единицам (*фонема > морфема > лексема (слова) > словосочетание > предложение*). Однородные единицы языка обнаруживают способность входить в: а) линейные структуры, цепочки и комбинации (линейные связи языковых единиц называются синтагматическими), и б) определенные группы, классы и разряды, реализуя тем самым свои парадигматические свойства.

Синтагматические связи — это отношения языковых единиц по смежности, их рядоположенности (по схеме *и ... и*) и сочетаемости по законам определенным для того или иного языка. Так, по законам, английской фонетической синтагматики наличие звонких согласных в конце слова возможно, а по законам русского звукосочетания оно недопустимо. Аналогично по опре-

деленным синтагматическим законам (ограничениям) сочетаются морфемы, словоформы, члены предложения, части сложного предложения. Синтагматические ограничения обусловлены тем, что каждая единица языка занимает в линейном ряду вполне определенное положение относительно других единиц. В связи с этим было введено понятие позиции языковой единицы. Единицы, занимающие одну и ту же позицию в синтагматическом ряду, образуют парадигму (класс, разряд, блок, группу).

Парадигматические связи — это отношения по внутреннему сходству, по ассоциации или отношения выбора (по схеме *или ... или*). Парадигматическими свойствами обладают все разновидности языковых единиц (выделяют парадигмы согласных и гласных фонем, морфем, слов и т. д.). Наиболее ярким примером такого рода отношений могут служить лексические парадигмы, синонимы, антонимы, лексико-семантические группы и поля; в морфологии — парадигмы склонения и спряжения. В парадигме каждая языковая единица отличается от всех других. Эти различия могут быть максимальными и минимальными. Так, между фонемами /п/ и /л/ различия максимальные, а между /п/ и /б/ минимальные. Для общения наиболее сложными оказываются минимальные различия (их легко смешать). Именно поэтому основное внимание в лингвистике уделяется изучению языковых единиц с точки зрения их минимальных различий. Противопоставление единиц, основанное на минимальном различии, называется о п п о з и ц и е й. Итак, в оппозиции могут находиться две единицы, если они занимают одну и ту же позицию и если их различие минимально. Ср.: 1) *ром* — *род* и 2) *ром* — *рог*. В оппозиции /т/ — /д/ находятся только в первом примере; во втором они не образуют оппозиции, поскольку занимают разные позиции (*ром* — *рад*) или их различие максимально (*ром* — *рог*).

Совокупность однородных единиц языка, способных вступать между собой в синтагматические и парадигматические связи, но исключающие иерархические отношения, называется уровнем или я р у с о м языковой структуры. Между уровнями языковой структуры устанавливаются иерархические отношения, но исключаются парадигматические и синтагматические связи. Как правило, языковому уровню соответствует лингвистическая дисциплина (раздел языкознания), его изучающая. Однако такое соответствие не всегда однозначно (см., например, раздел «Лексикология»). Языковые уровни подразделяются на основные и промежуточные. Каждому уровню соответствует базовая единица языка. К основным уровням относят: фонологический/фонетический (базовая единица — *фонема*), морфемный (*морфема*), лексемный/лексический (*лексема*, или слово), морфологический (*граммема* — класс словоформ) и синтаксический (синтакс, или *синтаксема*). Промежуточными уровнями обычно считают: фономорфемный, или

морфонологический (фономорф, или *морфонема*), дериватологический, или словообразовательный (*дериватема*), фразеологический (*фразема*, или фразеологизм, фразеологическая единица). Изложенное подытожим в таблице 1.

Таблица 1

Единицы речи	Единицы языка	Уровни языковой структуры	Разделы языкознания
<i>Основные</i>			
Синтакс (синтакса) высказывание — коммуникативный акт	синтаксема (синтаксическая схема, модель предложения)	синтаксический	синтаксис
Грамм (грамма)	граммема	морфологический	морфология
Лекс	лексема	лексемный/лексический	лексикология, семасиология, ономастика, этимология и др.
Морф	морфема	морфемный	морфемика
Фон (звук)	фонема	фонологический/фонетический	фонология, фонетика
<i>Промежуточные</i>			
Фономорф	фономорфема (морфонема)	фономорфемный (морфонологический)	фономорфемика (морфонология)
Дериват	дериватема	дериватологический (словообразовательный)	дериватология (словообразование)
Фраза (устойчивое сочетание) словоформ	фразема	фразеологический	фразеология

Каждый уровень самостоятелен лишь относительно: уровни языковой структуры находятся в состоянии постоянного взаимодействия. Взаимодействие языковых уровней проявляется в том, что каждая единица языка и каждый ее элемент выполняют свою особую функцию, которая только в единстве с другими функциями обеспечивает речевую коммуникацию.

Промежуточность последних трех уровней обусловливается тем, что их единицы возникают в пределах одного уровня, а функционируют как единицы другого уровня. Так, морфонема образуют едини-

цы фонологии (*носишь/ношу, друг/дружеский*), хотя функционирует она на уровне морфологии и словообразования; фраземы — результат фразеологизации синтаксических единиц (словосочетаний и предложений), но функционируют вместе с лексемами.

Поскольку однородные единицы языка обладают способностью вступать между собой в закономерные связи и отношения (синтагматические и парадигматические), то каждый из языковых уровней образует некую подсистему языка. Это и дает основание рассматривать язык как систему систем.

Вопросы и задания

1. По каким признакам язык считается системным образованием?
2. Докажите, что структура — важнейшее свойство языковой системы.
3. Раскройте понятие «единица языка».
4. Что такое языковой знак? Какие единицы языка являются знаковыми?
5. Раскройте содержание понятия «языковой уровень».
6. Почему язык называют системой систем?
7. Сопоставьте предложенную нами классификацию единиц языка и речи с классификацией Л.А.Новикова (Таксономия языковых единиц. Опыт метаописания // Филологические науки. — 2002. — № 6).

Рекомендуемая литература

Основная

Абаев В.И. Языкознание описательное и объяснительное в классификации наук // Вопросы языкознания. — 1986. — № 2.

Рамишвили Г.В. Языкознание в кругу наук о человеке // Вопросы философии. — 1981. — № 6.

Пилых Г. Язык или языки? Предмет изучения лингвиста // Вопросы языкознания. — 1994. — № 2.

Дополнительная

Введение в языкознание: Хрестоматия / Сост. Б.Ю.Норман, Н.А.Павленко / Под ред. А.Е.Супруна. — Минск, 1977 (раздел II).

Мельничук А.С. Понятие системы и структуры языка // Вопросы языкознания. — 1970. — № 1. — С. 19—32.

Солнцева В.М. Язык как системно-структурное образование. — М., 1977.

Важнейшим условием преобразования в науку совокупности знаний о той или иной области действительности прежде всего является наличие особого объекта и предмета познания, а также специальных способов и средств получения знаний, их упорядочения и систематизации. Известный грузинский лингвист А. С. Чикобава отмечал, что «без изучения объекта не может быть науки о нем: наличие объекта — необходимое условие существования науки»¹. Объектом науки может быть любое явление действительности, взятое в целом во всей его сложности и многогранности. И как явление многоаспектное, оно может служить объектом нескольких смежных наук одновременно. Например, Земля (как планета) представляет интерес для многих наук. Она является объектом изучения географии, геологии, геодезии, геофизики, геохимии, что отражено в первой части их названия (*гео* — от греч. *geo* «земля»). Однако в едином объекте каждая из наук выделяет только исследуемую ею область, которая и служит предметом изучения: рельеф, природные условия — предмет географии; формы и размеры Земли — предмет геодезии; строение земной коры — предмет геологии; физические свойства Земли — предмет геофизики; распределение и перемещение химических элементов в земной коре — предмет геохимии.

Подобным образом выделяют объект и предмет науки о языке. **Объектом** изучения лингвистики является также сложное явление, именуемое *речевой деятельностью*. Это специфическая область человеческой деятельности, связанная с разными сферами жизни людей (их психикой, физиологией, анатомией и т. п.). Поэтому речевая деятельность — объект изучения и психологии, и логопедии, и физиологии, а также таких «гибридных» наук, как психолингвистика, нейролингвистика и социолингвистика. Каждая из этих наук выделяет «свой» предмет изучения.

Предметом исследования лингвистики является *язык*. Однако выделение и понимание объекта и предмета языкознания — дело непростое, имеющее не только сложную историю, но и оста-

¹ Чикобава А. Проблемы языка как предмета языкознания. — М., 1959. — С. 3.

ящееся одной из главных проблем теоретического языкознания нашего времени, известной в науке как проблема соотношения языка и речи.

ЯЗЫК И РЕЧЬ

Большинство современных ученых (лингвистов, психолингвистов, нейролингвистов) считают наиболее существенной чертой объекта своего изучения его **двойственность**. О ней писали и пишут все языковеды, начиная с основоположника общего языкознания Вильгельма фон Гумбольдта. Одни из них утверждали двойственный характер объекта лингвистики, другие опровергали. Так, В. фон Гумбольдт впервые наиболее ясно выделил в речевой деятельности язык как готовый ее продукт (*Ergon*) и язык как деятельность (*Energeia*). Подобное разграничение производил также глава Казанской лингвистической школы И. А. Бодуэн де Куртенэ, выделивший язык как потенциальную (нереализованную возможность) систему и ее реализацию. Еще дальше в членении объекта языкознания пошел Г. фон дер Габеленц, предположивший разграничивать: 1) речь (*Rede*), конкретный язык (*Einzelssprache*) и 2) языковую способность (*Sprachvermögen*). Постановка на первое место речи (деятельности, акта общения, реализации) не случайна: этим подчеркивается ее ведущая роль по отношению к другим компонентам речевой деятельности. В целом же языкознание XIX в. разграничивало «язык» и «речь» крайне последовательно. Изменения в этом вопросе наметились лишь с появлением «Курса общей лингвистики» Фердинанда де Соссюра — выдающегося швейцарского лингвиста, занимающего в мировом языкознании XX в. такое же место, какое отводилось в науке XIX в. философской теории Иммануила Канта. Концепцию Ф. де Соссюра можно или признавать, или отвергать, но игнорировать ее невозможно (А. С. Чикобава).

Стройное и последовательное разграничение Ф. де Соссюром языка и речи достигается путем бинарных (двучленных) противопоставлений их отличительных признаков, образующих известные **дихотомии** или **антиномии**¹.

1. Язык (*langue*) — явление чисто психическое, а речь (*parole*) — явление психофизическое.

2. Язык есть система знаков, а речь асистемна, поскольку представляет собой некий «сверхязыковой остаток» речевой деятельности.

3. Язык — социальное явление, тогда как речь — явление индивидуальное.

¹ *Антиномия* (< греч. *antinomia* < *anti* «против» + *nomos* «закон») — противоречие между двумя взаимоисключающими положениями.

4. Язык есть форма, в то время как речь — субстанция, поскольку включает в себя звуки и значения (субстанция < лат. *substantia* «сущность»).

5. Язык — существенный компонент (важнейшая часть) речевой деятельности, речь — нечто более или менее случайное и побочное.

В послесоссюровском языкознании эти антиномии были дополнены другими. Среди них назовем наиболее значительные:

Язык — нечто общее, а речь — конкретное (Н. С. Трубецкой).

Язык постоянен; речь преходяща, переменна (Н. С. Трубецкой, Луи Ельмслев).

Наблюдается также новое обозначение объекта изучения и его составляющих. Это, видимо, необходимо для того, чтобы избежать неоднозначного терминопотребления, когда термином «речь» называют и саму речевую деятельность и ее компонент — «язык в действии». Поэтому возникают такие определения соотношения языка и речи, как код и обмен сообщениями, средство и цель, диссоциация и интеграция, сущность и явление, форма и содержание. И все же эти определения выделяют лишь один из признаков дихотомии — «язык — речь», они не учитывают основной признак оппозиции — «процессуальность». Л. В. Щерба попытался устранить этот просчет, предложив различать «обработанный лингвистический опыт» и «процесс говорения», что перекликается с гумбольдтовским пониманием языка как статического явления, а речи — как динамического.

Целесообразно рассматривать соссюровские дихотомии в трех ракурсах — гносеологическом¹, т. е. с точки зрения теории познания, онтологическом² — с точки зрения предметных свойств языка и речи и прагматическом³ — с точки зрения сферы применения и характера использования языка и речи.

Гносеологические определения

1. Язык и речь соотносятся как общее и частное. Известно, что единичное — форма существования всеобщего, а общее существует в отдельном, через отдельное. Как всеобщее язык существует в отвлечении от речи, от ее единичных актов. Всеобщность есть закон связи вещей, и постигается разумом. В соответствии с этим язык — явление психическое, результат типизации и обобщения частных речевых актов.

2. Язык рассматривается как *абстрактное*, а речь — как *конкретное*. Абстрактное здесь понимается как мысленное, понятийное, а конкретное приобретает чувственно-созерцательную данность речи. Абстрагирование связано не со случайными единич-

¹ *Гносеология* (< греч. *gnosis* (*gnoseos*) «знания, познание» + *logos* «учение»).

² *Онтология* (< греч. *on* (*ontos*) «сущее» + *logos* «учение»).

³ *Прагматика* (< греч. *pragma* «дело, действие»).

ными фактами, а с идеальным отражением их связей и отношений в сознании человека, что в свою очередь порождает конкретную систему данного языка. Следовательно, язык абстрактен в своей конкретности.

3. Обобщение и абстрагирование связаны с отграничением языка (и его единиц) как существенного от всего несущественного. Однако усматривать в речи только несущественное — значит не видеть главного — механизма речевого общения. Обмениваться мыслями посредством несущественного психофизического устройства невозможно. Поэтому ближе к истине те определения, согласно которым язык рассматривается как сущность, а речь — как явление.

4. Поскольку сущность познается через явление, то осмысление языка осуществляется через наблюдаемые и обобщаемые речевые явления. Сущность — это внутреннее строение, нечто наиболее важное, значительное и закономерное. Явление — это форма выражения сущности. Значит, познание языка начинается с восприятия речевых фактов, затем на их основе путем абстрагирования постигается сущность, т.е. язык. Знание сущности (языка) позволяет более глубоко изучить явление (речь).

5. Противоречивым и недостаточно определенным является также соотношение языка и речи как формы и содержания. Под формой понимают либо материальность — способ выражения грамматического значения, либо структуру — способ выражения содержания. Второе понимание формы приближает к сущности языка, но никак не соотносится с речью, которая не может быть содержанием. Форма и содержание характеризуют и язык, и речь. Следовательно, они не могут использоваться в качестве критериев разграничения языка и речи.

Онтологические определения

Определения этой группы ориентированы на «предметные» свойства языка и речи, указывающие на сферы их локализации, устройство и роль в осуществлении речевой деятельности.

Различие связано с пониманием природы компонентов речевого общения — языка как явления психического, а речи как явления физического. Понимание языка как психического феномена имеет в лингвистике глубокие исторические корни и восходит к трудам Г. Штейнталя, А.А. Потебни и др. На рубеже XIX и XX вв. происходит существенная модификация их концепции: психическое начало в языке стало рассматриваться как социальное. В работах И.А. Бодуэна де Куртенэ и Ф. де Соссюра язык понимается как социально-психическое образование. Однако помимо этого в языке обнаруживается ряд других конструктивных свойств собственно лингвистического характера. Поэтому социально-психологический подход к нему нельзя считать пол-

ным. Таким же односторонним является и толкование речи в исключительно физическом (физиологическом) аспекте.

Более достоверным следует считать рассмотрение проблемы соотношения языка и речи как виртуального (то, что потенциально содержится в сознании человека) и актуального (непосредственно воспринимаемое, материальное). Большинство лингвистов предпочитают определять язык как виртуальное (потенциальное, компетенцию или способность), а речь как актуальное (реализацию языковой способности, область естественных объектов).

Подгруппа противопоставлений: *система — текст, система — функция, парадигматика — синтагматика*. Видимо, ни у кого из современных лингвистов не вызывает сомнений понимание языка как системного образования, единицы которого находятся в закономерных связях и отношениях, взаимно обуславливая друг друга. Более дискуссионными оказываются толкования речи то как текста, то как функции, то как синтагматики. Понимание речи как текста позволяет изучать разные способы функционирования языка. Однако выделять текст и дискурс¹ в нечто среднее между языком и речью нет оснований, поскольку любой акт речи воплощается в тексте (от реплики-междометия до корпуса книги). Следовательно, текст и дискурс — речевые категории и выделять их можно лишь с целью детализации речи. Толкования речи с точки зрения теории функций или сужают ее рамки, или переводят в сферу прагматической лингвистики (сферу применения речи, ее отношение к говорящему и слушающему и т. п.). Не является исключительно речевым свойством и синтагматика: синтагматические отношения — важный аспект языковой системы.

В современной лингвистике широкое распространение получила интерпретация языка как инварианта (стабильной, устойчивой части речевой деятельности), а речи — как вариантных реализаций языка (изменяющегося, моментального). Данное противопоставление может быть принято только как принцип разграничения языка и речи. И все же нельзя игнорировать вариантности языковых средств общения и наличия устойчивых механизмов построения конкретных речевых актов.

Прагматические определения

Третья группа определений уточняет понимание языка и речи с точки зрения их функционирования, назначения и цели существования.

Важнейшими дихотомиями в этой группе следует признать противопоставления языка и речи по следующим трем направле-

¹ *Дискурс* (< франц. *discours* «речь») — текст, взятый в событийном аспекте, в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими, паралингвистическими и др. факторами.

ниям: социальное — индивидуальное; узуальное — окказиональное; код — сообщение.

1. Социальный характер языка считается в современной лингвистике общепризнанным (оспаривается лишь его абсолютизация, исключая другие факторы — в частности, биологические и психические). Что же касается индивидуальности речи, то она оказывается для многих лингвистов весьма уязвимой. Речь индивидуальна в том смысле, что порождается индивидуумами в процессе общения. Однако это обстоятельство не допускает произвола в закономерностях построения высказываний. Речевое общение — процесс двусторонний, обеспечивающий взаимопонимание говорящих и слушающих. И в этом отношении речь не может быть лишена социальности.

2. Противопоставление языка и речи по линии узуальности — окказиональности может быть принято только в смысле общепринятости и нормативности языковых явлений, отфильтрованных от речевых случайностей, не нормированных и еще не принятых обществом.

3. В лингвистических работах последних лет язык определяют как код, а речь как сообщение. Особенно популярными они стали в исследованиях систем искусственного интеллекта. Понятие языкового кода включает в себя способы фиксации и выражения информации при помощи всей системы языковых единиц. Под сообщением понимается передача информации.

Признание языка кодом стимулировало появление новых определений — языка как порождающего устройства, а речи как его функционирования. Лингвопрагматический подход сопряжен с рассмотрением функций языка и речи (см. с. 38).

ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКА И ЕДИНИЦЫ РЕЧИ

До разграничения языка и речи считалось, что единицы, наблюдаемые в речевых произведениях, собственно и есть единицы языка. В наше время часть языковедов сознательно придерживается этой точки зрения, подчеркивая тем самым единство и неделимость объекта лингвистической науки. Те же ученые, которые придерживаются дихотомии «язык — речь», подчиняясь логике такого подхода, различают факты языка и факты речи. Такая позиция предполагает различие единиц языка и единиц речи в их взаимообусловленности, выражающейся в том, что единицы речи образуются из единиц языка, и как следствие этого, в единицах речи проявляются основные свойства единиц языка. В языке нет ничего такого, чего бы не было в речи, — утверждал Ф. де Соссюр. Единицы языка — это результат обобщения и типизации однородных речевых единиц. Так, фрикативный звук речи [ʏ] и

однородный ему взрывной [h] представляют одну и ту же единицу языка — фонему /г/; корневые части словоформ *рук-а*, *руч-к-а* представляют одну и ту же единицу языка — морфему *рук-*. В этой связи уместно напомнить известное положение Ф. де Соссюра о том, что «исторический факт речи всегда предшествует языку».

В современном языкознании выделяют следующие единицы речи и соотносимые с ними единицы языка.

Единицы речи	Единицы языка
фон (звук)	фонема
морф (корень, суффикс и т.д.)	морфема
лекс (словоформа)	лексема
дериват	дериватема
грамм (грамма)	граммема
синтакс (синтакса)	синтаксема
— словосочетание	модель словосочетания
— предложение	модель предложения
фраза (фразеологический оборот)	фразаема

Основные свойства единиц речи

1. Результат комбинирования единиц языка.
2. Образование в речевых актах (производимость).

Основные свойства единиц языка

1. Инвариантность (устойчивость).
2. Воспроизводимость в речи.

Единицы языка реализуются в единицах речи: фонемы — в звуках, морфемы — в морфах и т. д. Единицы языка «извлекаются» из речи путем обобщения и типизации единиц речи.

Вопросы и задания

1. Что является объектом и предметом языкознания?
2. Как формировалась дихотомия «язык — речь»?
3. Прокомментируйте гносеологические, онтологические и прагматические определения языка и речи.
4. Как соотносятся между собой единицы языка и единицы речи?

Рекомендуемая литература

Леонтьев А.А. Что такое язык. — М., 1976.

Берстнев Г.И. О «новой реальности» языкознания // Филологические науки. — 1997. — № 4.

Гак В.Г. О плюрализме в лингвистических теориях // Филологические науки. — 1997. — № 6.

Язык в обыденном сознании — неотъемлемое свойство человека. Это настолько обычное явление, сопровождающее человека всю его сознательную жизнь, что редко кто из нас задумывается над его сущностью. Как правило, язык воспринимается как само собой разумеющееся, подобно способности ходить, дышать или видеть. Однако уже в глубокой древности лучшие умы человечества в неукротимом стремлении к самопознанию не могли не задумываться над одной из наиболее притягательных тайн, окружающих человека или составляющих его сущность. Такой загадкой издавна был человеческий язык. Объяснить его природу древним было не под силу, но понимание огромной значимости языка в жизни людей выливалось в различные формы устно-поэтического творчества. Воображение поражала способность звуковой речи выражать мысль, глубоко воздействовать на чувства (вызывать радость, гордость, любовь или приводить в гнев, рождать страх, ненависть). Не случайно в многочисленных сказках разных народов мира встречаются чудодейственные слова, способные спасти любимого героя в минуты, казалось бы, неминуемой смертельной опасности, покарать злодея, с помощью скатерти-самобранки накормить или на ковре-самолете перенести в самые недостижимые места, края и государства. Кстати, и в наше время в ритуальных действиях некоторых полудиках племен используются так называемые магические слова и выражения.

О языке создавались легенды... В одной из них рассказывается о мудром философе и баснописце Эзопе, который, получив поручение своего господина (Эзоп был рабом) принести с рынка нечто самое отвратительное, а затем — самое прекрасное, принес в обоих случаях язык. Хозяин пришел в ярость, приняв действия своего раба за непозволительный розыгрыш. Однако вскоре рабовладелец услышал мудрое разъяснение Эзопа. Язык и в самом деле самое отвратительное — источник зла, распрей, лжи и клеветы; он унижает, предает и даже уничтожает. Вместе с тем нет в мире ничего прекраснее языка: в нем живет мысль, им названы предметы окружающего мира, он — средство общения, выражения добра, симпатий и любви.

В подобных сказаниях и легендах не следует искать истину о сущности языка. Их ценность в другом — в понимании силы

слова, в ощущении его огромной роли в жизни людей и государства. По-своему эта же идея проводится верованиями ведущих религий мира. В Евангелии от Иоанна, например, утверждается: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Иоанн, 1 : 1).

Язык как одна из наиболее таинственных мировых загадок уже не одно тысячелетие является предметом научного осмысления. Основными вехами на этом многотрудном пути могут служить такие наиболее яркие этапы в истории науки о языке:

— ведическое учение, сложившееся в Древней Индии еще в IV в. до н.э.;

— античная теория наименования, отражающая спор о том, как вещи получают свое название, и содержащая грамматическое искусство Древней Греции и Древнего Рима, Китая и Арабского Востока (V—III вв. до н.э. — IV в. н.э.);

— всеобщие универсальные грамматики XVIII в., авторы которых стремились обнаружить общность в грамматике разных языков;

— сравнительное языкознание, заложившее на базе описательных и сопоставительных исследований основы общего языкознания (XIX в.);

— системно-структурная лингвистика XX в., поставившая перед собой задачу объяснить внутреннюю организацию языка.

К концу XX в. укрепляется следующая тенденция: вскрыть сущность языка в единстве его истории (сравнительно-исторический подход) и внутренней организации (системный подход).

На каждом этапе развития лингвистической мысли были созданы оригинальные теории, приближавшие в борьбе мнений современное понимание природы и сущности языка. Все их многообразие обычно сводят к трем парадигмам, соответственно истолковывающим сущность языка как явление биологическое или психическое, или общественное. Каждый из этих подходов страдал обособленностью, односторонней трактовкой сущности языка и нетерпимостью к другим учениям. Это не могло не вызвать критического отношения к ним последующих поколений языковедов. Однако и сами теории, и их критика содержат немало ценного для современного понимания сущности языка и поэтому заслуживают особого внимания и изучения.

«БИОЛОГИЧЕСКАЯ» ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

Определение «биологическая» в названии этой теории указывает на то, что язык понимается в ней как явление прежде всего врожденное, наследственное. Идея врожденности языка привлекала внимание и обывателей, и исследователей, принадлежавших

к различным школам и направлениям. В первом случае она получила отражение в сказаниях и легендах, во втором — в научных трудах весьма именитых авторов.

В одной из восточных легенд рассказывается о споре могущественного падишаха Акбара со своими придворными мудрецами. Он подверг сомнению утверждения окружающих его интеллектуалов о врожденном характере языка. Для разрешения спора был поставлен жестокий эксперимент. Несколько младенцев заточили в отрезанном от человеческого мира жилище под присмотром немых евнухов: если через несколько лет дети окажутся говорящими, то побеждают мудрецы, в противном случае — падишах. Вскоре о споре забыли. Вспомнили о нем лишь через несколько лет. Когда властелин со свитой вошел в здание, где обитали несчастные, перед ним открылась жуткая картина: дети рычали, визжали, напоминали скорее зверенышей, чем людей, и никто из них не смог произнести ни единого слова. Мудрецы были посрамлены.

Однако мысль о биологической природе языка не оставляла тех, кто пытался разгадать тайну языка и в более позднее историческое время, когда наука достигла весьма высокого уровня. Особенно бурно эта проблема обсуждалась в XVII—XVIII вв. под влиянием так называемого философского натурализма (фр. *naturalisme* от лат. *natura* «природа»), утверждавшего концепцию «естественного человека», «естественного общества», «естественной морали» и т. п. Иными словами, природа выступала здесь как единственный и универсальный принцип объяснения всего сущего. В соответствии с этим принципом складывается представление о языке как о «естественном организме». Термин этот широко используется в трудах таких лингвистических авторитетов, как братья Август и Фридрих Шлегели, Вильгельм Гумбольдт, Расмус Раск, Франц Бопп, Якоб Гримм, И. И. Срезневский. И все же наиболее признанным теоретиком биологической концепции языка, главой целого направления в языкознании XIX в. традиционно считается выдающийся немецкий лингвист Август Шлейхер (1821—1868), известный в истории науки о языке как крупный представитель сравнительно-исторического языкознания, автор генеалогической и типологической классификаций языков мира, исследователь проблем языковой эволюции и взаимосвязи языка и мышления. Его натуралистические воззрения сформировались под воздействием нескольких факторов: под влиянием натурализма в философии, его юношеским увлечением естествознанием и под впечатлением грандиозных открытий Ч. Дарвина.

Учение А. Шлейхера создавалось в стенах Лейпцигского университета. Впервые оно было представлено в книге «Языки Европы в систематическом освещении» (1850). Здесь язык уподобляется естественному организму. Еще более откровенно натуралистические воззрения ученого сформулированы в работе «Немец-

кий язык» (1860), где язык уже признается организмом. Автор пишет: «Языки, образованные из звуковой материи природные организмы, притом самые высокие из всех, проявляют свойства природного организма...». «Жизнь языка существенно не отличается от жизни всех других живых организмов — растений и животных. Как и последние, он имеет период роста от простейших структур к *более* сложным формам и период старения...»

Видимо, все объясняется не столько прямолинейными суждениями ученого, сколько их интерпретацией последователями и историками языкознания.

Во-первых, уподобление языка живому организму — дань лингвистической традиции прибегать к аналогиям, используя метафорические выражения. Это стиль века. В. Гумбольдт называл язык «природным организмом», для Р. Раска язык — это «явление природы», для И. И. Срезневского — «естественное произведение», «произведение природы».

Во-вторых, имеется и более глубокий смысл этой научной метафоры. Ее содержанием служит и естественное (т.е. без вмешательства человеческой воли) происхождение языка, и действие в языке определенных законов, подобно тем, которые существуют в природе, и понимание языка как целостного образования, в котором, подобно организму, все элементы находятся в закономерных связях и отношениях (свойство системы), и способность языка к саморазвитию. При таком подходе натуралистическая теория языка не противоречит тем конкретным исследованиям и открытиям, которые оставили ее создатели лингвистам XX в.

Натуралистическое понимание языка в конце XIX в. укрепляется в трудах Макса Мюллера (1823—1900), в частности в книге «Наука о языке». В XX в. огромную популярность приобрела теория известного американского ученого Ноама Хомского (в американском варианте — Н. Чомски) о биологической «врожденности» языка. Автор предпринял попытку объяснить тот неопровержимый и удивительный факт, что ребенок в возрасте от полутора до двух с половиной лет практически овладевает всем многообразием форм речевых высказываний. И все это за столь фантастически короткий срок! По мысли Н. Хомского, такое положение можно объяснить лишь тем, что ребенок овладевает не всем бесконечным многообразием форм речевых высказываний, а лишь основными грамматическими структурами, которые и служат необходимыми моделями, образцами для овладения всем возможным многообразием форм речевого общения. Это предположение привело его к выводу, что в организации речевого высказывания следует различать два уровня — «глубинные грамматические структуры» и «поверхностные грамматические структуры» языка.

Глубинные грамматические структуры ученый считает врожденными и поэтому универсальными. Они суть языковой компе-

тенции человека, т. е. его языковой способности, подобно иным — способности понимать, способности думать, способности запоминать и т. п. По своей сути глубинные грамматические структуры — это не что иное, как некая совокупность немногочисленных правил построения речевого высказывания, промежуточное звено от мысли к речи (при речеобразовании) и наоборот, от речи к мысли (для процесса понимания высказывания). Биологическая по своей сути теория врожденных языковых способностей вызвала огромную дискуссию и была подвержена строгой критике. Однако многие ее прогрессивные идеи и в наше время плодотворно используются в психолингвистике, в теории порождения речи и в нейролингвистике.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К СУЩНОСТИ ЯЗЫКА

Подход к языку с точки зрения психологии говорящих предполагает рассмотрение языка как психологического явления. Сформировался он в лингвистике XIX—XX вв. и предопределил появление нескольких направлений лингвистического психологизма — социально-психологического, индивидуально-психологического и психолингвистического. Первые два развивались в рамках исторического языкознания, а третье своим возникновением обязано синхронному языковедению.

Сторонники соци а л ь н о-п с и х о л о г и ч е с к о г о направления пытались объяснить сущность языка, исходя из социальной природы психологии человека. Основание такого подхода — тезис теоретика лингвистического психологизма Вильгельма фон Гумбольдта о том, что язык является выражением народного духа, под которым он понимал духовную и интеллектуальную деятельность народа, своеобразие «национального» сознания. Язык — «продукт инстинкта разума», «непроизвольная эманация духа», его главное порождение. Ученый полагал, что язык испытывает воздействие духа народа с нескольких сторон. Прежде всего он постоянно подпитывается духовной энергией, от силы и мощи которой зависят его богатство и гибкость. Во-вторых, характер языка зависит от духовного устремления народа, т. е. от его замкнутой или открытой для внешней деятельности ориентации. Наконец, на него воздействует степень предрасположенности духа к языкотворчеству. Такая предрасположенность обуславливает яркое отражение в языке живого и творческого воображения, гармонии мысли и слова.

Идеи В. Гумбольдта о языке как выражении народного духа, сознания и разума нашли оригинальное развитие в трудах таких выдающихся лингвистов второй половины XIX в., как Гейман Штейнталь, Александр Афанасьевич Потемня, Вильгельм Вундт.

Сущность языка, по их мнению, скрывается в психологии народа. Вместе с тем они настойчиво пытались доказать, что язык — это такой продукт человеческого духа, который отличается и от логических, и от психологических категорий. Если категории логики по своей сути являются результатами мышления, а психологические категории — это отражение духовной жизни человека в целом, то язык — специфический продукт истории духовной жизни народа. Согласно их убеждению, динамика и эволюция языковых явлений отражают психические законы мышления. В частности, законами ассоциации и аналогии они объясняли явления метафоры, метонимии, синекдохи, процессы словообразования. Поскольку же психические законы мышления, проявляясь в отдельном человеке, принадлежат определенному народу, то «язык является самосознанием, мировоззрением и логикой духа народа» (Г. Штейнталь). Причем истинным хранителем духа народа, по его мнению, следует считать язык в его первоизданном виде. На более поздних этапах своего развития язык якобы утрачивает первоизданную чистоту, свежесть и оригинальность проявления духа того или иного народа.

На фоне этих суждений становятся понятными следующие выводы, к которым приходит В. Вундт в «Психологии народов»:

— дух (психология) народа наиболее ярко проявляется в языке фольклора, мифологии и древнейших формах религии;

— народные обычаи отражены в пословицах, поговорках, исторических памятниках, манускриптах.

Данное направление психологизма в языкознании ценно тем, что сущность языка в нем рассматривалась с точки зрения его социальности, точнее — социальной (народной) психологии, общественного сознания. В последней трети XIX в. психологическое языкознание в понимании сущности языка подвергается переориентации. Отвергая тезис о социально-психологической природе языка, новое поколение компаративистов рассматривает язык как проявление индивидуальной духовной деятельности.

Индивидуально-психологическое направление получило название младограмматизма. Его теоретиками стали ученые лейпцигской школы языкознания Карл Бругман, Август Лескин, Герман Остгоф, Герман Пауль, Бертольд Дельбрюк и др., считавшие, что язык существует только в сознании отдельных людей, каждого говорящего индивида. Язык народа вообще как проявление его духа — миф. Вместе с тем они не отрицали общего языка как нечто среднего, суммарного от индивидуальных языков (узус). Будучи психофизиологическим явлением, язык подчиняется в процессе изменений и эволюции психическим законам ассоциации и аналогии.

Несмотря на известные недостатки и ошибочные представления о сущности языка, оба направления психологизма в лингвистике

тике оказали плодотворное влияние на становление современной психолингвистики, сформировавшейся в середине XX в. Это стало возможным благодаря устойчивой ориентации отечественной науки о языке, прежде всего в лице Ф. Ф. Фортунатова, И. А. Бодуэна де Куртенэ и Л. В. Щербы, на «фактор говорящего человека». Главный предмет психолингвистики — речевая деятельность, а ее конечная цель — описание психофизиологических механизмов порождения речи. Составляющие теории речевой деятельности следующие:

- понятие языковой компетенции (способности), сформулированное Н. Хомским;
- речемыслительные категории Л. С. Выготского;
- понятие речевой деятельности А. Н. Леонтьева;
- понятие информации;
- нейропсихологические процессы, описанные А. Р. Лурия и его учениками. Даже поверхностное знакомство с основными понятиями теории речевой деятельности позволяет сделать вывод о том, что сущность языка никак не вкладывается в рамки ни социальной, ни индивидуальной психологии. Познание сущности языка предполагает обсуждение его общественной природы.

ЯЗЫК КАК ОБЩЕСТВЕННОЕ ЯВЛЕНИЕ

Положение о том, что язык по своей природе социален, стало лингвистической аксиомой. Его произносят как заклинание, когда хотят подчеркнуть свою принадлежность к материалистически мыслящим языковедам. Однако одно лишь признание социальной сущности языка не только не решает всех проблем, связанных с осмыслением данного феномена, но и обостряет некоторые из них.

Наиболее убедительно социальная природа языка обнаруживается в процессе критики крайнего проявления его биологического и психологического понимания. При этом становится очевидным, что язык — исключительно человеческое свойство. По основным своим характеристикам он в принципе отличается от так называемого «языка животных». А ведь именно наличие «языка» не только человеческого, но и в мире животных использовалось в качестве аргумента его биологической природы.

Действительно, многие из нас наблюдали, как «понимают» наездку ее маленькие цыплята, как токуют тетерева, какие звуковые призывы издают звери в свой брачный период. По наблюдениям биологов, своеобразными способами «общения» обладают даже пчелы и муравьи. Однако такого рода сигналы можно называть языком лишь условно, ни в коем случае не отождествляя их с языком человека. Дело в том, что «язык животных» имеет исключительно биологическую природу. Прежде всего он является врож-

денным свойством, т. е. не приобретается после рождения, ему не учатся. Это дар природы. Ученые провели с этой целью простой эксперимент. Из-под наседки взяли яйцо с уже живым, но еще находящимся в скорлупе цыпленком и положили его на стекло. Включили магнитофон с записью предостерегающих сигналов наседки. И что бы вы думали? Яйцо покатилося, так как цыпленок немедленно отреагировал, его взбудоражил сигнал «опасность!». Такие сигналы имеют специфическое по своей природе физиологическое назначение, обусловленное необходимостью питаться, размножаться или сохранять себя и себе подобных в минуты угрозы для жизни. Кроме того, «язык животных» не является сознательным средством передачи информации. Он — средство выражения физиологических потребностей и связанных с ними эмоциональных состояний (возбуждения, удовлетворения, страха и т. п.). У пчел средством такого выражения служат своего рода «танцы», у муравьев — выделение на брюшке ароматизированного вещества, след от которого указывает на источник возбуждения (например, пищу). Иными словами, «язык животных» связан с инстинктом и как врожденное свойство передается вместе с генетическим кодом. Язык же человека по своей природе социален. Он социален по происхождению, поскольку возник в силу общественной потребности в средстве общения. Язык обслуживает общество и ни возникнуть, ни существовать, ни развиваться вне его не может. Язык, который не используется обществом в качестве средства общения, умирает. Такова судьба латинского, древнегреческого и некоторых других языков, называемых в лингвистике «мертвыми». Вне человеческого общества ребенок не способен овладеть языком. Об этом свидетельствуют случаи, когда дети, по разным причинам оказавшиеся в звериных стаях, чаще всего волчьих, обнаруживают все повадки вскормивших их животных, а сугубо человеческим свойством, каким является язык, не обладают. История человечества знает несколько таких случаев. Об одном из них в марте 1985 г. сообщила газета «Известия». Около девяти лет назад, говорится в статье, в джунглях индийского штата Уттар-Прадеш в волчьем логове был найден ребенок. Современный Маугли так же, как и у Р. Киплинга, ел только сырое мясо, ходил на четвереньках. Люди, нашедшие его, дали ему уют и человеческое имя Раму, научили одеваться, есть горячую пищу. Однако говорить он так и не научился. Рассказав о судьбе «волчонка», агентство Рейтер с сожалением сообщило, что недавно он умер; жизнь в «неволе» оказалась ему не под силу.

Подобные случаи, а их науке известно около 14, служат неопровержимым свидетельством тому, что человек овладевает языком только в обществе, в том коллективе, в котором он растет и воспитывается, особенно в первые 3—4 года своей жизни. Причем на этот сложный процесс не влияют ни принадлежность к

расе или национальности, ни язык родителей, если ребенок воспитывается без них в иноязычной среде: сам по себе он никогда не станет говорить на родном языке. Независимо от своей этнической принадлежности малыши обладают равными способностями для овладения любым языком. Дети представителей черной и желтой рас, рожденные за пределами своего континента, овладевают языком соответствующего народа наравне с детьми белой расы (английским в Великобритании, США; французским во франкоязычных странах и т. п.). Эти и сходные с ними суждения стали хрестоматийными, и общественная сущность языка ныне не подвергается сомнению.

Вместе с тем сомнительными представляются некоторые наиболее радикальные, крайние толкования общественного характера языка. Без них трудно представить отечественные учебные пособия 20—70-х годов XX в. Такое положение объясняется стремлением некоторых ученых (главным образом, идеологов «самого материалистического» и «единственно марксистского» «нового учения о языке») полностью отмежеваться от «буржуазного языкознания».

Демаркационной линией стало понимание природы и сущности языка. Вопросы о том, в какой мере язык — явление общественное, не существовало. По утверждению создателя «нового учения о языке» Н. Я. Марра и его последователей, язык — явление исключительно социальное. Отсюда — следующий постулат: все языковые ярусы социально обусловлены, отражают жизнь общества и всецело зависят от происходящих в нем процессов.

Предельно ясно эта позиция сформулирована самим Н. Я. Марром: «Лингвистические факты приводят нас к объяснению органических связей между общественным строем и структурой языка»¹. Вульгарно-социологический тезис о том, что в языке все обусловлено общественными факторами, в различных модификациях красной нитью проходит в работах языковедов последующих десятилетий. В некоторых из них делается попытка «смягчить» откровения и пороки марризма признанием наличия в языке его внутренних законов (Ф. П. Филин, Р. А. Будагов, Ю. Д. Дешериев, В. З. Панфилов).

Для создания адекватной теории о сущности языка необходимо исходить из того, что он обслуживает самые разные сферы деятельности человека, сам является важнейшим видом этой деятельности. Следовательно, в нем должны отражаться различные стороны человеческой природы — биологическая, психическая и социальная. В связи с таким подходом становится понятным стремление ученых раскрыть многокачественную природу языка.

¹ Марр Н. Я. Избранные работы. — Л., 1935. — Т. 1. — С. 189.

МНОГОКАЧЕСТВЕННАЯ ПРИРОДА ЯЗЫКА

В современном языкознании объяснение сущности языка с методологических позиций отдельно взятого направления (биологического, психологического или социального) становится явно неудовлетворительным. Природа языка, его эволюционные и функциональные механизмы так же сложны и многообразны, как и сам человек, специфическим видом деятельности которого он является. Поэтому сущность языка может быть раскрыта лишь в процессе познания речевого онтогенеза¹ человека (в частности, изучения детской речи), используя данные генетики, психофизиологии, нейропсихологии и т.п. Такое осмысление сущности языка обещает приблизить нас к истине, хотя в настоящее время такой подход представлен не столько достоверными выводами, сколько острыми дискуссиями и предположениями. О размахе и остроте споров может дать представление прежде всего дискуссия между Н. Хомским, Ж. Пиаже и Ф. Жакобом. Теоретической основой данного подхода служат исследования отечественных нейролингвистов под руководством А. Р. Лурия.

В центре обсуждения оказывается гипотеза Н. Хомского о врожденности «глубинной грамматической структуры» как специфического устройства человеческого разума, служащего механизмом овладения конкретным языком. Врожденную языковую способность он сравнивает с врожденностью зрительной системы. «Биологические основания» такого понимания находят в анатомии и функционировании человеческого мозга (Э. Леннеберг). Язык в таком случае предстает как средство выражения познавательных функций мозга, таких как категоризация (обобщающие объединения однородных явлений в крупные классы или разряды) и переработка информации (сведений), поступающих извне.

Возникают вопросы: как поступает информация извне? Какие механизмы человеческого мозга обеспечивают ее переработку? Каким образом эта информация получает языковое выражение? Ответить на них или хотя бы точнее приблизиться к истине помогает наука, изучающая человеческий мозг — важнейшую составляющую часть центральной нервной системы, которая собственно и воспринимает поступающую извне информацию. Происходит это благодаря миллионам рецепторов² человеческого организма, постоянно следящих за изменениями внешней и внутренней среды. Воспринимаемые раздражения передаются в клетки нашего организма. Сотни тысяч клеток, называемых мотонейро-

¹ *Онтогенез* — индивидуальное развитие организма от стадии оплодотворения до окончания индивидуальной жизни.

² *Рецепторы* — конечные образования нервов, способные воспринимать раздражения из внешней или из внутренней среды организма.

нами¹, управляют движениями мышц и секрецией желез. А связующая их сложная сеть из миллиардов клеток, называемых нейронами², непрерывно сопоставляет сигналы от рецепторов с сигналами, в которых закодирован прошлый опыт, и обрушивает на мотонейроны команды для соответствующей реакции человека на раздражение среды. Человеческий мозг представляет собой совокупность миллиардов нейронов, образующих сложно переплетенные сети. Поэтому сигнал, поступивший от рецептора, мгновенно взаимодействует с миллиардами других, полученных системой раньше. Для наглядного представления о структуре нейрона и механизме передачи сигналов имеет смысл познакомиться со схемой М. Арбиба, автора известной книги «Метафорический мозг» (рис. 1).

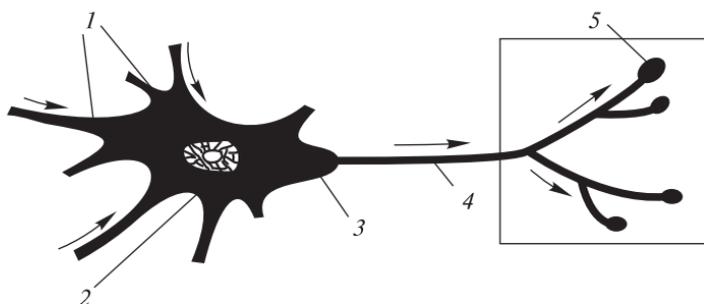

Рис. 1. Структура нейрона

Возбуждение рецепторов изменяет мембранные возможности отростков нейрона — дендритов (1) и тела клетки (2). Результаты этих изменений (эффекты) сосредоточиваются на аксонном холмике (3), а затем импульс мембранного характера распространяется по аксону (4) — удлинённому волокну — и его конечным (утолщенным в виде луковички) разветвлениям (5). При этом важно, что луковички располагаются на других нейронах, что позволяет изменять мембранный потенциал уже этих (других) нейронов или мышечных волокон. Поток информации проходит от нейрона к нейрону в направлении, указанном на схеме стрелками.

Кора головного мозга человека, по мнению специалистов, представляет слой толщиной всего лишь в 60 — 100 нейронов. Для того, чтобы в ограниченном пространстве черепа могло уместиться несколько миллиардов нейронов, образуется множество складок. Их называют бороздами, а выступающую между двумя бороздами

¹ Мотонейроны — двигательные нейроны.

² Нейрон, или *неврон*, — нервная клетка со всеми отходящими от нее отростками (невритами и дендритами) и их конечными разветвлениями.

ткань — извилинами. Нейрофизиологические исследования показали, что борозды и извилины, распределяясь в левом и правом полушариях коры головного мозга, образуют специализированные зоны, отвечающие за определенные познавательные функции. В каждом полушарии головного мозга выделяют четыре доли — лобную, височную, теменную и затылочную. Область больших полушарий, примыкающих к центральной, или роландовой, борозде, называют сенсомоторной, а остальные области коры мозга — ассоциативными. Сенсомоторная область отвечает за слуховую и зрительную деятельность, а также звуковую речь, поскольку «из всех сенсорных воздействий для человека самым чувственным, богатым и тонким является звук и его прием слухом» (Н. И. Жинкин).

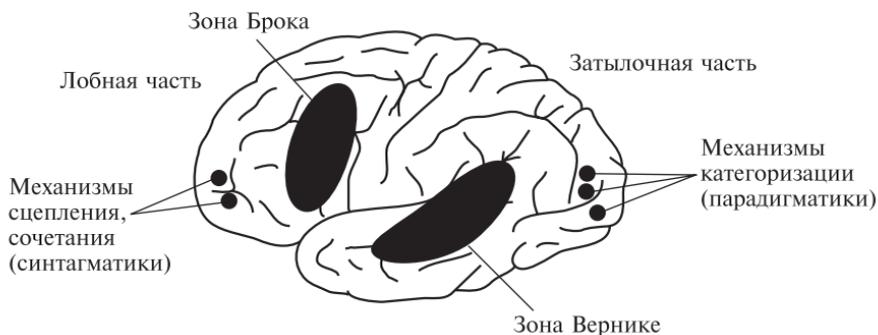

Рис. 2. Речевые зоны коры головного мозга

В процессе изучения патологии речи были открыты две основные речевые зоны — П. Брока, отвечающая за производство речи (говорение), и К. Вернике, отвечающая за восприятие и понимание чужой речи (рис. 2). Это доказывается многочисленными фактами нарушения речи — афазией. Люди с поражениями зоны Брока понимают речь, но затрудняются организовать слова во фразы, поэтому ее нарушения называют моторной афазией. У больных с повреждениями зоны Вернике собственная речь не нарушается, но воспринимать и воспроизводить речь других людей они не могут. Этот тип афазии называется сенсорной. Поскольку обе зоны расположены в левом полушарии коры головного мозга, то его принято считать доминантным — главным. Оно управляет движением правой — главной — руки и речевой деятельностью. В нем сосредоточено все словесное, интеллектуальное, абстрактное, аналитическое, объективное, временное. Это предполагает существо-

вание в левом полушарии не только сенсомоторных, но и других не менее важных речевых механизмов. Их деятельностью руководят центры, сопредельные с зонами Брока и Вернике. В лобной доле левого полушария спереди от зоны Брока расположено еще несколько речевых центров, которые управляют механизмами сцепления единиц речи, — реализуют способность звуков сочетаться в слоги, морфем — в слова, слов — в предложения, предложений — в связный текст. Иными словами, эти зоны приводят в действие синтагматические механизмы, причем более «передние» речевые центры обладают способностью к более высокому уровню организации речи.

В задней части левого полушария (его височная, теменная и затылочная доли) за зоной Вернике расположены механизмы объединения однородных единиц в классы, разряды, категории на основе какого-либо общего их признака. Наиболее хорошо известными еще из школьной программы классами такого рода являются синонимические и антонимические отношения языковых единиц, которые называются парадигматическими. Благодаря механизму парадигматики все единицы языка хранятся в нашей памяти в виде блоков, полей, групп, рядов.

Правое полушарие ответственно прежде всего за наглядное восприятие внешнего мира. В его ведении все зрительное, образное, чувственное, интуитивное, конкретное, синтетическое и субъективное. Здесь преобладают ассоциативные области мозга, деятельность которых по данным нейролингвистики также важна для возникновения, развития и функционирования языка. Левое и правое полушария работают как единая система, и поэтому имеются биологические (нейрофизиологические) основания: полушария головного мозга связаны соединительными нервными нитями. По ним и происходит обмен информацией, благодаря чему язык оказывается посредником между человеком и средой, в которой он живет. Дело в том, что левое полушарие снабжает речемыслительную деятельность информацией о словах, хранящихся в нем в виде звуковых образов, а правое посылает информацию о своем арсенале зрительных и чувственных образов — мыслительных копий окружающего мира.

Наиболее общая схема такого взаимодействия вырисовывается следующим образом. Сигнал из внешнего мира поступает на рецепторы правого полушария, где возникает некая целостная картина-образ. Если ее оказывается недостаточно, то возникает необходимость расчленить целостный образ на его составляющие и назвать их. Но это уже «функциональные обязанности» левого полушария, которое располагает грамматикой (набором абстрактных слов, служебных частей речи, синонимическими структурами, трансформами и т.п.), и поэтому информация передается в его распоряжение. После членения и преобразования в более слож-

ную структуру название «перебрасывается» снова в правое полушарие, где происходит сопоставление с изначальной картиной (эталонном). Если человек считает, что название не отвечает эталону, то процедура повторяется.

Возникает вопрос: каков механизм приема и передачи информации? Современная наука пока находится в состоянии поиска ответа на него, однако уже сейчас не вызывает сомнений то, что механизм этот обладает нейропсихологической природой. Он лежит в основе возникновения и функционирования языка, а также овладения языком детьми.

Новейшие молекулярно-биологические исследования убеждают, что в основе работы мозга в процессе возникновения языка лежат сложные генетические и физиологические механизмы. Оказалось, что порождение речи, процесс возбуждения захватывают не только речевые зоны (Брока, Вернике), но и всю нейронную систему мозга¹ — левое и правое полушария. Возбуждение нейронных структур происходит в результате увеличения кровотока и количества кислорода. Таким способом нейрон получает свое главное «горючее» — глюкозу, а за счет окисления создается необходимая для работы речевых зон энергия, носителями которой являются ядра водорода. Атомы водорода входят в состав воды, которой богата мозговая ткань, особенно ее серое вещество, выполняющее мыслительно-речевые функции. Не случайно повреждение мозговой ткани (особенно боковых отделов левого полушария) приводит к замедлению речи и нарушению словесной памяти. Память же играет исключительно важную роль по обеспечению нормального функционирования речевых зон человеческого мозга.

В наиболее общем определении память — это свойство мозга хранить информацию, которая необходима для речемыслительной деятельности человека. Итак, информация должна храниться и передаваться. Функцию хранения информации выполняют ДНК (дезоксирибонуклеиновые кислоты), а функцию передачи — последовательные цепочки аминокислот в белке, которые выполняют роль химического сообщения. Мозг, следовательно, располагает двумя типами кодов, двумя «алфавитами» — ДНК и белковым. Оба типа «алфавитов» служат, по определению ученых, генетическим языком человека, обнаруживающим изоморфизм² с естественным языком, т.е. одинаковое (точнее, принципиально сходное) устройство. Одни исследователи объясняют такой изо-

¹ См.: Лалаянц И.Э., Милованова Л.С. Новейшие исследования механизмов языковой функции мозга // Вопросы языкознания. — 1992. — № 2. — С. 120.

² *Изоморфизм* (< греч. *isos* — равный, одинаковый, подобный и *morphe* — вид, форма) — свойство каких-либо вещей или явлений иметь одинаковое строение.

морфизм сходством функций генетического и естественного языков — хранить и передавать информацию (эту точку зрения отстаивает биолог Франсуа Жакоб); другие, например, Роман Якобсон, придерживаются мнения, что сходство этих языков обусловлено их «родственными отношениями», что языковой код возник по образцу и структурным принципам кода генетического.

Дальнейшее изучение подобного изоморфизма обещает расширить наши знания о закономерностях накопления, хранения и переработки информации, связанных с мышлением. Мышление и язык возникли, по данным современной науки, в результате единого эволюционного процесса. Звуковой язык появился вместе с возникновением человека. Он формировался на основе уже имевшихся голосового и слухового аппаратов, способных соответственно производить и воспринимать акустические сигналы (свойство также и животных). В процессе эволюции человека звуковые сигналы превращались в сложнейшую систему символов, знаков, наиболее совершенными из которых являются языковые знаки. Очевидно, изначально эти знаки имели непосредственные (прямые) связи с предметами окружающего мира. Затем произошло замещение и полное вытеснение реальных связей условными, в результате чего знаки стали воспроизводимыми. Это свойство необходимо не только для того, чтобы, подобно генетическому коду, хранить и передавать информацию, но и для выполнения общественных функций естественным языком. Свойство изоморфизма генетического и языкового кодов объясняется, надо полагать, единством глобального эволюционного процесса.

И все же рассматриваемые аспекты сущности языка не должны создавать иллюзии о «биологической» природе языка. Их скорее можно отнести к биологическим предпосылкам, обеспечивающим и возникновение, и функционирование языка человека. Ведь сам человек — не просто «биологическая» категория, а человеческое живое существо, в котором теснейшим образом сплетаются биологические, психические и социальные факторы. Иными словами, человек — это существо живое, разумное и общественное. Это означает, что генетическая база человека позволяет включиться в социальную сферу жизни и обрести язык как средство формирования мысли и общения.

Биопсихическая база состоит из двух уровней. На первом — *анатомо-физиологическом* — закладываются генетические основы языка. Во-первых, здесь происходит формирование корковых зон головного мозга. Во-вторых, вырабатываются следующие, необходимые для речевой деятельности, рефлексy:

— «схватывания новизны» (умение сосредоточивать внимание, следить за раздражителями, такими как свет, звук, прикосновение);

— слежения за предметами (безусловный характер его не вызывает сомнений: он проявляется и у слепых от рождения детей, хотя впоследствии и отторгается);

— хватательный и переступательный, на основе которых развиваются различные моторные (двигательные) системы человека, — без них была бы невозможна речевая деятельность.

На втором — *психофизиологическом уровне*, — возможности первого становятся реальными механизмами речи. Эти уровни не разделены во времени; об органическом взаимодействии биологического и социального в развитии психики говорит уже тот факт, что даже в первые часы жизни ребенка звуковой язык активизирует именно левое полушарие с его речевыми зонами. Следовательно, доминантность левого полушария в речевой деятельности врожденная.

Наследственной является способность выделять акустические сигналы, которые оказываются универсальными. Лишь к концу первого года жизни ребенок начинает воспринимать только те звуковые признаки, которые есть в языке окружающих. Генетически обусловленными являются и предречевые механизмы звукообразования, такие как гуление и лепет. Именно врожденностью объясняется их наличие у глухих детей. На этапе гуления любой ребенок «сучит» языком так же естественно, как ножками и ручками. Он как бы тренирует свой речевой аппарат. **Гуление** — это практическое освоение языка как лингвальной (языковой) способности. Происходит оно по типу самонаучения. Принцип подражания здесь исключается. Ребенок в этот период не способен подражать, он скорее напоминает птицу, которая учится летать не потому, что ее обучают авиации, а потому, что сама пробует крылья. Вскоре гуление сменяется **лепетом** — самоподражательным повторением одинаковых слогов — *мы-мы-мы, ма-ма-ма, ды-ды-ды, та-та-та* и т. п. Происходит это также спонтанно, самопроизвольно, без внешнего воздействия. Как птица поет песню без выучки, так и ребенок лепечет в подражание самому себе, ради собственного удовольствия, забавы. Он даже не слышит (не различает) двух звуков в слогое. Для него лепет — слоговая гимнастика и только.

Социальные факторы включаются лишь тогда, когда ребенок начинает реагировать на ласковый голос, мелодию, т. е. когда начинается общение. С того момента наступает научение, подражание звуковой речи взрослых, произнесение слогов уже не для самого себя, а для общения с другими. Возникает обратная связь — основа коммуникации: ребенок слышит самого себя, контролирует произносимое, воздействует на других. Речевая деятельность все больше приобретает общественный характер.

С другой стороны, обнаружены биологические предпосылки раннего общения ребенка со взрослыми. Вначале — это общение

на уровне эмоций. Эмоциональное состояние матери воспринимается ребенком еще в утробе. Можно сказать, что отработка навыков общения начинается задолго до речевой коммуникации. Со второго полугодия закладываются основы речевой деятельности: формируется внутренняя речь и создается база для знакового общения.

Внутренняя речь еще не использует ни грамматики, ни лексики. Она оперирует логическими, смысловыми связями или, по определению Н. И. Жинкина, «универсальным предметным кодом» (УПК). УПК — это пространственные схемы, наглядные представления, отголоски интонации, отдельные слова. Это язык-посредник, на который осуществляется перевод замысла на общедоступный язык. На его основе происходит взаимопонимание говорящих.

На последнем этапе речевого общения внутренняя речь переводится во внешнюю. Ее задача — выразить мысль словесно, сделать ее достоянием других. В этом смысле речевое общение социально. Однако и оно не лишено нейропсихологического основания. Дело в том, что мысль — явление психическое, а значит, идеальное. Но бесплотных идей вне материального носителя не существует. Такими материальными носителями выступают знаки — доречевые средства общения (жесты, мимика, звуковые сигналы, предметы), или «протоязыки», которые делают ребенка участником коммуникативного процесса¹, и языковые знаки — звуковые или графические буквы. Внешняя речь (речевое общение) использует языковые (речевые) знаки. *Знаковая функция* — функция сообщения мысли — в естественном языке устанавливается первоначально самопроизвольно для осуществления коммуникативного намерения, позже, в развитом языке, — и спонтанно, и намеренно. Язык в этом процессе служит средством пробуждения у слушающего идей и представлений, аналогичных мыслям говорящего. Нейропсихологический механизм этого процесса заключен в условно-рефлекторной деятельности человека, основы которой представлены в учении И. П. Павлова о второй сигнальной системе. В отличие от первой сигнальной системы² ее сигналы являются знаковыми, т. е. обладают социально обусловленной и осознанной сущностью. Они предназначены для осуществления коммуникативного намерения и поэтому имеют условный характер.

Все это убеждает в том, что сущность языка в плане его возникновения и с точки зрения функционирования определяется тесным сплетением биологических, психологических и социальных факторов. Ими объясняются многие «живые» процес-

¹ См.: Горелов И. Н. Невербальные компоненты коммуникации. — М., 1982.

² Сигналами первой сигнальной системы служат безусловные, инстинктивные раздражители, чувственные образы.

сы, происходящие в современном языке. Биологическими особенностями человеческого организма объясняется тенденция к экономии звуковых средств. Человеческий организм противится чрезмерной детализации¹. Отсюда в языке ограниченное количество звуковых и грамматических средств (фонем, падежей, грамматических времен и т. п.). Действие этой тенденции обнаруживается в стремлении облегчить произношение (ассимиляция, диссимиляция, упрощение групп согласных, редукция гласных в безударных слогах и т. д. — см. раздел «Фонетика»). Нейрофизиологические законы лежат в основе восприятия окружающего мира. Наиболее ярким проявлением этих законов является типизация — сведение некоторого множества языковых явлений к небольшому числу типовых образов, моделей (части речи, образцы склонения и спряжения, модели словообразования и т. п.). Огромное значение в жизни языка имеют психические законы, прежде всего законы ассоциации и аналогии. Они проявляются в семантике языка, в сфере фонологии, лексикологии, фразеологии, словообразования, грамматики (понятие фонемы, значения языковых единиц, метафора, метонимия и др.). И наконец, сущность языка определяется его внутренними законами, которые обнаруживаются в различного рода его изменениях (фонетических, морфологических и др.), а также в особенностях его употребления.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ПОРОЖДЕНИЯ РЕЧИ

Порождение речи происходит в процессе речевой деятельности, направленной на вербализацию мысли. Это путь от мысли к слову (см. рис. 2).

Путь от мысли к слову состоит главным образом в подготовке речевого высказывания. Известный психолингвист А. Р. Лурия выделяет на этом пути 4 этапа. Начинается он с мотива и общего замысла (1-й этап). Затем проходит через стадию внутренней речи, которая опирается на схемы семантической записи (2-й этап). За ним следует этап формирования глубинной синтаксической структуры (3-й этап). Завершается порождение речи развёртыванием внешнего речевого высказывания (4-й этап).

Различают две фазы порождения речи:

- 1) довербальную стадию речи; она связана с появлением у говорящего замысла;
- 2) вербальную стадию, когда личностные смыслы обретают словесное выражение.

Названные стадии затрагивают соответственно работу правого и левого полушарий коры головного мозга в их тесном взаимо-

¹ См.: Серебрянников Б. А. О материалистическом подходе к явлениям языка. — М., 1983. — С. 48—49.

действию. При этом каждое из двух полушарий отвечает за «свой» участок речемыслительной деятельности. На «внутреннем экране» правого полушария проносятся образы, картины, рисуется воображаемая ситуация, а на «дисплее» левого полушария возникают не столько смутные образы, сколько подписи под ними¹.

Взаимодействие правого и левого полушарий подчиняется в процессе речепорождения одной главной цели: переводу мысли в речь. Преобразование мысли в речь сопряжено с трансформированием многомерного мыслительного образа в одномерное, линейное высказывание.

Поскольку существуют разные типы мышления и среди них такие довербальные, как образное, наглядное, предметное, то логично предположить, что замысел — это результат довербального мышления. На этом этапе происходит осмысление предмета речи при помощи неязыковых знаков — предметных, образных, ситуативных. Мысль как «опредмеченная потребность» становится внутренним мотивом, тем, что конкретно и непосредственно побуждает к коммуникативной деятельности. Это начальный этап речевой деятельности. Психолингвисты называют его мотивационно-побуждающим уровнем. В нем сплетаются *потребность*, *предмет* и *мотив*. А по словам Л. С. Выготского, «мотивирующая сфера нашего сознания... охватывает наше влечение, потребности, наши интересы и побуждения...». Это уровень объединения *мотива* (как побуждающего начала) и *коммуникативного намерения* (КН) говорящего, где обозначается конкретная цель будущего высказывания (определить, уточнить, спросить, призвать, осудить, одобрить, посоветовать, потребовать и т. п.). КН определяет роль говорящего в общении. На данном уровне говорящий выделяет предмет и тему высказывания, он знает о чем, а не что говорить.

Вторая стадия порождения речи называется формирующей. Здесь происходит формирование мысли в: а) логическом и б) языковом аспектах. На логическом, или смыслообразующем, подуровне формируется общий замысел, определяется смысловая схема высказывания, моделируется его «семантическая запись». На уровне формирования речепорождающего процесса А. А. Леонтьев, известный отечественный психолингвист, различает: а) внутреннее программирование и б) формирование «грамматики мысли»: пространственно-понятийной схемы (схемы соотношения понятий) и схемы временной развертки мысли. А. А. Леонтьев требует строгого разграничения замысла и программы. *Замысел* — лишь начальная фаза внутреннего программирования. Как нерасчлененный смысл высказывания замысел реализуется в виде предметно-изобразительного кода (внутренней речи, которая, по данным

¹ См.: Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. — М., 1986. — С. 39.

Л. С. Выготского, представляет собой «речь почти без слов»). Программа же призвана раскрыть замысел, расположив личностные смыслы в логической последовательности. Она отвечает на вопрос: что и как (в какой последовательности) сказать?

Внутреннюю программу речепорождения следует отличать от: а) внутреннего проговаривания и б) внутренней речи. Это — наиболее глубокий и абстрактный уровень речевой деятельности. Многие элементы внутренней программы авербальны, т. е. не связаны с каким-либо конкретным языком. Они скорее всего связаны с общечеловеческими способностями к членораздельной речи, членению мира, к построению высказывания и т. д.

На основе психолингвистических данных суть внутренней программы определяется следующими свойствами: а) ее структура носит линейный характер; б) компонентами программы выступают надсловные единицы типа *субъект, предикат, объект* (схематично: кто-то делает что-то, направленное на что-то); в) внутреннее программирование оперирует не лексическими значениями, а личностными «смыслами»; г) такое программирование представляет собой акт предикации (по А. А. Шахматову, операции сочетания двух представлений). Операция предикации, собственно, и отличает просто слово *зима* от предложения *Зима*. Во втором случае содержится утверждение, что имеется, наличествует зима. В ряде европейских языков предикация выражается в глаголе-связке (*is* — в английском, *ist* — в немецком, в русском — в прошедшем времени: *Была* зима).

На языковом подуровне мысль формулируется так:

1) включается механизм синтаксирования (грамматического структурирования) будущего высказывания. Структурируется схема предложения, в которой пока нет места для конкретных слов. Предложение на этой фазе порождения речи состоит лишь из словоформ; 2) смысл высказывания порождается механизмом номинации (выбора слов). Так синтаксическая схема высказывания заполняется соответствующими словами. На месте словоформы возникает слово. Это и обеспечивает «перевод» личностных смыслов на языковые значения, понятные всем членам данного языкового коллектива.

Поскольку мозг человека — многоканальное устройство, многие речемыслительные механизмы включаются одновременно. Поэтому формирующий уровень речепроизводства наряду с синтаксированием и номинацией включает в работу артикуляционную программу. Ее задача — управлять произносительными движениями. Сами произносительные движения представляют собой процесс преобразования единиц формирующего уровня в акустические сигналы, т. е. во внешнюю речь. Процесс порождения речи завершается ее озвучиванием.

Язык — многокачественное образование, сущность которого не может быть полностью раскрыта без рассмотрения его функций.

ФУНКЦИИ ЯЗЫКА

Кроме собственной значимости проблема функций языка имеет важное значение для теоретического осмысления его сущности. Однако, несмотря на глобальный характер этой проблемы, единого понимания количества и содержания функций языка в лингвистике не достигнуто. Для решения этой проблемы необходимо прежде всего уяснить, что такое функция языка вообще. Пожалуй, наиболее глубокое определение этому феномену находим у В. А. Аврорина. Функция языка как научное понятие есть практическое проявление сущности языка, реализации его назначения в системе общественных явлений, специфическое действие языка, обусловленное самой его природой, то, без чего язык не может существовать, как не существует материя без движения. Итак, функции и сущность языка — его взаимообусловленные стороны. Поскольку же язык по своей сущности — средство общения, то рассмотрение его функций целесообразно начинать с коммуникативной (об общественных функциях языка см. на с. 82).

Почти все исследователи признают коммуникативную функцию первичной. Коммуникативная функция языка рассматривается как сложное интегрированное явление, в котором совмещаются все основные его свойства. Однако традиционно выделяют не одну (коммуникативную) функцию языка, а несколько. Причем функциональный его «репертуар» весьма пестрый: Р. В. Пазухин, вслед за Г. В. Колшанским, называет одну функцию — коммуникативную, В. З. Панфилов — две, В. А. Аврорин — четыре, А. А. Леонтьев — значительно больше.

Сторонники полифункциональности подчеркивают важность условий конкретного функционирования языка. Функции языка (их количество и характер) в таком случае определяются условиями его использования, в связи с чем выделяют следующие: коммуникативную, мыслеформирующую, экспрессивную, волево-ативную, фатическую, познавательную, эстетическую (поэтическую), эвристическую, регулирующую и др.

Делаются также попытки разграничить функции языка и функции речи, а внутри каждой группы установить иерархию функций.

Достоинством монофункционального подхода к языку является сохранение единства его системы. И все же, если большинство функций можно интегрировать в основной — коммуникативной (как ее разновидности), то две из них — эмотивную и экспрессивную — невозможно представить в ряду вариантов коммуникативной функции: отсутствует элемент коммуникативности.

Действительно, язык называет реалии окружающего мира и выражает наши мысли и чувства, используется в познавательных целях и является этнокультурологическим средством, устанавливает контакты и т. п. Однако все это лишь отдельные (хотя и наиболее

важные) моменты его единого и общего назначения — быть универсальным средством речемыслительной коммуникации. Так, предметная соотнесенность знаков языка (языковая референция) необходима для знаковой координации деятельности людей. Иными словами, языковая референция и номинация — необходимое свойство языка как средства коммуникации. Важным свойством его является экспрессивность, без которой невозможны воздействие на деятельность воспринимающего речь субъекта и ее координация с деятельностью говорящего. Следовательно, языковая экспрессия — это коммуникативно обусловленная способность языка. И наконец, язык, не будучи специальным средством познания (для этого имеется мозг), используется в коммуникативном познании, в котором осуществляется знаковая координация знаний людей, их отношения к миру эмоций и т. п. В коммуникативном назначении языка содержатся и другие его употребления в качестве эстетического, дейктического, кумулятивного и преобразующего информацию средства. В своей совокупности такие свойства и употребления языка отражают его сущность.

В современной теории языкознания понятие «функции языка» используется в качестве главного критерия выделения языковых единиц и их соотношения в структуре языка. Основной функцией языка признается функция организации деятельности, реализующаяся через языковые единицы. В основу их классификации положены два типа организующей функции — реализации и манифестации. Каждая единица языка определяется в системе этих двух типов функций.

Поскольку основная цель общения — установление взаимодействия между членами человеческого коллектива, то язык оказывается средством реализации этого взаимодействия, или регулятором поведения. Эту функцию (функцию регуляции) осуществляют единицы высшего класса — единицы коммуникативного контакта. Коммуникативный контакт определяет следующие функции других единиц языка: воздействия (средство реализации этой функции — высказывание), описания (средство реализации — системы элементарных моделей), моделирования (функция предложения — модель модели действительности), отношений (ее реализуют члены предложения), адресная (номинативная, осуществляемая при помощи слов), указания (ее реализуют морфемы), различения, реализуемая фонемами.

Выделенные выше уровни называются семантическими. Им соответствуют функции реализации. Они связаны с формой реализации языка в материальных единицах речи. Причем в речи единицы языка реализуются в разных своих вариантах и вариациях. Речевая модификация единиц языка обуславливается двумя факторами: одной из функций языка — функцией воздействия и его прагматическим характером.

Если природа языковых единиц зависит исключительно от их места в системе, то семантика и форма единицы задаются системой, и следовательно, все единицы уже существуют до их употребления предположительно.

Поскольку прагматический аспект является ведущим в языке, то от него зависит диапазон вариативности языковых единиц в речи. Механизмом вариативности единиц языка в речи служит комбинаторность компонентов единицы. Комбинирование элементарных «частиц» единицы происходит в речи и обуславливает ее практически неограниченные акустические вариации. Поэтому возникает необходимость в рассмотрении корреляции речевых (этических) и языковых (эмических) единиц. Обычно эмическая единица понимается как класс этических (например, фонема — класс аллофонов, морфема — класс морфов и т. п.).

Вопросы и задания

1. Расскажите о легендарных представлениях о природе и сущности языка.
2. Как вы относитесь к «биологической теории» природы и сущности языка?
3. Каковы достоинства и недостатки психологического понимания сущности языка?
4. Язык — явление общественное? В какой степени?
5. Как вы понимаете многокачественность природы языка?
6. Назовите и охарактеризуйте основные этапы порождения речи.
7. В чем дискуссионность современных представлений о функциях языка?

Рекомендуемая литература

Основная

- Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. — М., 1969.
Серебрянников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка. — М., 1983.
Язык и мышление // Русский язык: Энциклопедия. — М., 1979.

Дополнительная

- Будагов Р.А. Что такое общественная природа языка? // Вопросы языкознания. — 1975. — № 3. — С. 27—39.
Панов Е.Н. Знаки. Символы. Языки. — М., 1980.
Панфилов В.З. О некоторых аспектах социальной природы языка // Вопросы языкознания. — 1982. — № 6. — С. 28—44.

Вопрос о происхождении языка относится к фундаментальным проблемам теоретической лингвистики. Его осмысление сопряжено с пониманием природы и сущности языка. Проблема его происхождения не является собственно лингвистической. Пожалуй, в равной степени она интересует философию и теорию антропогенеза — антропологию (греч. *anthropos* «человек», *logos* «учение», *genesis* «происхождение, становление») — науку о происхождении и эволюции человека. Столь широкий подход к данной проблеме предполагает поиск ответов на ряд вопросов междисциплинарного характера и прежде всего *когда, каким образом, в результате каких факторов* у людей появилось средство общения в виде звуковой речи. Как ни парадоксально, но именно в силу этих обстоятельств некоторые даже крупные лингвисты и целые школы сознательно уходили от решения этой проблемы. Признав ее нелингвистической, члены Парижского лингвистического общества исключали проблему происхождения языка из своего Устава (1866). По тем же соображениям ее отказывался рассматривать известный американский лингвист Эдвард Сепир: «...проблема происхождения языка не относится к числу тех проблем, которые можно решить средствами одной лингвистики»¹, а данные археологии и психологии в этой области пока недостаточны. Еще более категорично высказывался французский языковед Жозеф Вандриес: «...проблема происхождения языка лежит вне ее (лингвистики) компетенции»².

И все же происхождение языка относится к таким загадкам человечества, которые всегда привлекали и продолжают привлекать пытливый ум. Эта проблема как непостижимая тайна будоражила мифологическое воображение уже древнего человека, создавшего многочисленные мифы, легенды и сказания о возникновении языка. Позже появляются теории божественного откровения. Затем вопрос о происхождении языка пытались связать с созидательной деятельностью самого человека, с судьбами человеческого обще-

¹ Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. — М., 1993. — С. 230.

² Вандриес Ж. Язык. — М., 1937. — С. 21.

ства. На страницах самых разных изданий появляются также и гипотезы о космическом происхождении человека и его языка, ведущая роль при этом отводится внеземным цивилизациям. Следовательно, вопрос о происхождении языка «живет в человеке», не оставляя в покое его сознание и «требуя» своего разрешения.

В качестве исходных ориентиров в лабиринтах здравого смысла, ведущих к истокам человеческого языка, могут служить следующие положения.

— Проблема происхождения языка исключительно теоретическая, поэтому достоверность ее решения во многом определяется логикой непротиворечивых суждений и умозаключений.

— В поисках истоков языка как членораздельной речи необходимо привлекать данные разных наук — лингвистики, философии, истории, археологии, антропологии, психологии и др.

— Следует различать вопрос о происхождении языка вообще и вопросы о возникновении конкретных языков (например, русского, китайского или суахили) как хронологически несоизмеримых.

Необходимо четко разграничивать поиск истоков человеческого языка и выявление структуры праязыка путем его сравнительно-исторических реконструкций по известным ныне родственным языкам.

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ

Легендарные представления древних о происхождении языка, хотя и вымышлены в своей основе, все же позволяют приблизиться к некоторым истокам широко известных теорий. Прежде всего их объединяет стремление объяснить происхождение членораздельной речи через подражание естественным звукам и в процессе научения. Так, согласно папуасской легенде, демы-творцы развели огонь из еще сырого бамбука — материала, из которого образовались сами люди. От жары бамбук трескался, в разные стороны простирались лучины, отчего у первых людей появились руки и ноги, а на голове — глаза, уши, ноздри. И вдруг раздался громкий треск: «Ва-а-ах!» — это у первых людей открылись рты, и они обрели дар речи.

Нередко в подобных легендах центральной фигурой выступает мудрец, который обучает людей языку. Именно такой седовласый старец собрал, по эстонской легенде, вождей разбросанных по земле племен, не умевших говорить. В их ожидании он развел костер и поставил на него казан с водой. Приходившие люди вслушивались в звуки кипящей воды и учились их произносить. Поэтому в одних языках много шипящих звуков, в других — свистящих. Эстонцев же мудрец научил тому языку, на

котором говорил сам. Вот почему эстонский язык якобы самый благозвучный.

Подобные легенды, как видим, страдают наивностью незамысловатого сюжета и яркой субъективностью оценок. В них отражены главные особенности первобытного мифического миропонимания и мировосприятия.

Во-первых, языком обладают люди, животные, предметы, деревья, насекомые — все, что может быть названо. Во многих легендах стены домов имеют свой голос, в печи разговаривают поленья, шепчутся между собой листья деревьев, поет ветер...

Во-вторых, речь — неременный признак возникшего человека. Предметы, его окружающие, могут и не говорить или общаться на особом языке, но все они понимают человеческий.

В-третьих, существует природная связь между предметом и его наименованием. Поэтому предметы получают имена не случайно. В именах — суть вещи. Познав имя, можно проникнуть в тайну предметного мира, в душу каждого наименованного предмета.

В-четвертых, имя может существовать независимо от предмета и даже предшествовать ему.

Но самое важное здесь то, что возникший язык во всех случаях теснейшими узами связан с мышлением, разумом, мудростью.

Дальнейшее философское осмысление первобытных представлений о происхождении языка приводит к возникновению различных теорий — звукоподражательной, оноματοпоэтической, теории именования в античной философии и т. п. Однако, прежде чем перейти к их рассмотрению, следует указать на теорию божественного откровения, которая всецело основывается на библейских легендах и притчах, основной смысл которых: язык был открыт (отсюда «откровение») богом в раю легендарным Адаму и Еве. Широкую известность приобрела притча о вавилонской башне (вавилонском столпотворении), повествующая о причинах многоязычия.

АНТИЧНЫЕ ТЕОРИИ

Пожалуй, наиболее глубоко мифологические представления о происхождении языка были восприняты и переосмыслены древнегреческими философами. Выстроив мифологические представления в систему, они, во-первых, разработали целые теории (учения) возникновения и становления языка; во-вторых, вопрос о происхождении языка рассматривали в единстве с осмыслением его природы и сущности. Отличительной особенностью античных теорий следует считать совмещение в них двух, казалось бы

несовместимых, аспектов исследования — идеи божественного откровения и этимологизирования.

Первое направление представлено в упрощенном мифологическом варианте: язык — дар божий, а если точнее, дан людям греческим богом Гермесом. Второе направление связано с поиском внутренней формы слова — источника именованной вещи. В результате такого научного поиска греческие ученые разделились на два противоборствующих лагеря. Сторонники теории «фюзей» (по природе) во главе с Гераклитом полагали, что имена (слова) — это тени и отражения вещей. Наиболее последовательно эту идею развивали стоики — представители широко распространенного в древнегреческой философии течения, основанного за 300 лет до Р. Х. Они непосредственно связывали восприятие вещей со звучанием их имен: в названии вещи зашифрована ее суть; слова сотворены вместе с предметами и существуют вместе с ними.

Сторонники теории «тесей» (или «тезей») выступали против природной теории возникновения языка, точнее — возникновения имен. Демокрит, стоявший во главе этого направления, утверждал, что имена существуют по установлению (соглашению), что между словом и наименованным предметом существует не природная, а условная, случайная, произвольная связь. При этом в качестве главных доказательств приводились следующие четыре аргумента:

- омонимия (обозначение одним именем разных предметов);
- синонимия (обозначение разными именами одного и того же предмета);
- возможность переносов названий одних предметов на другие;
- отсутствие универсальных словообразовательных моделей (ср.: *мысль* — *мыслить*, но *справедливость*, от которого невозможно образовать слово *справедливить*).

Спор двух древнегреческих школ о происхождении и природе языка отражен Платоном в диалоге «Кратил». В этом произведении он пытается найти компромисс между двумя теориями путем разграничения первичных и производных слов. Позже теория «фюзей» нашла продолжение в работах Августина, Эпикура, Диогена и Лукреция, где также прослеживается стремление выделить два этапа развития языка: на первом этапе преобладают механизмы «по природе», на втором — «по соглашению». Теория «тесей» развивалась Аристотелем, ее положений придерживались Эмпедокл и Анаксагор. Она послужила основанием для создания целого ряда учений о происхождении языка, объединяемых единым названием «теория изобретения», которая противопоставлялась теории божественного откровения. Теория «фюзей» послужила стимулом для создания учений о происхождении языка как продукта человеческого естества.

ЯЗЫК — ПРОДУКТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЕСТЕСТВА

Истоки этого направления следует искать в учении стоиков. Основная идея — возникновение языка обусловлено человеческой природой. Она стала базисным положением двух взаимодополняющих теорий — *междометной* и *звукоподражательной*, согласно которым источником звуковой речи служат естественные звуки, сопровождавшие человеческие чувства, или звуки, которым люди стремились подражать. Как полагали стоики (Хрисипп, Августин и др.), эмоциональные впечатления от вещей (мягкость, грубость, жесткость) вызывают у людей соответствующие звуки. Нередко воздействие предмета (или существа) порождало у человека то или иное чувство — радости при виде вкусных плодов, страха при встрече с опасным зверем и др. Подобные чувства находили свое выражение в произвольных выкриках (междометиях). Повторяясь, они начали ассоциироваться с порождающими их реалиями, стали их знакообозначениями, т. е. превратились в слова. По определению Шарля де Бросса (вторая половина XVIII в.), «первые слова первобытного человека» — междометия — это голоса печали, радости, омерзения, сомнения. В древнегреческой философии междометную теорию особенно плодотворно развивали эпикурейцы (последователи прославленного Эпикура), в XVIII в. к ней обращались И. Гердер, А. Тюрго, Ш. де Бросс и др.

Согласно стоикам, человек сопричастен к всеобщему разуму и мировой душе — логосу, который и предопределил его способности и потребности общаться с себе подобными. Природа человека, его душа создали для общения язык, первые слова которого напоминали звучание обозначаемого предмета (ср.: лат. *hinnitus* «ржание (лошадей)», *stridor* «скрип (цепей)», *balatus* «блеяние (овец)» и т. п.). Такие слова — продукт подражания. Между звуковой формой слова и наименованным предметом существует внутреннее сходство. Если же предметы «не звучат», то огласовка слов, их обозначающих, выражает впечатления, получаемые человеком от этих предметов. Взгляды стоиков на способы именования «звучащих» и «незвучащих» предметов (ср.: *кря-кря* и *мёд*) были положены в основания двух смежных теорий происхождения языка — звукоподражательной и ономатопоэтической.

Согласно первой из них, слова возникали благодаря стихийному, инстинктивному подражанию тем звукам, которые издавали живые существа (крики животных, пение птиц) или сопровождали явления природы (раскаты грома, шелест травы или листьев деревьев, шум водопада). Воспроизведения этих звуков закреплялись в сознании людей с предметами, их издававшими, и превращались в словесные знаки для обозначения соответствующих предметов.

Особое внимание к себе эта теория привлекла в XVII—XVIII вв. Так, знаменитый немецкий философ и ученый Готфрид Лейб-

ниц, различая сильные и шумные, мягкие и тихие звуки, полагал, что их сочетания позволяли первобытному человеку выражать соответствующие впечатления и представления об окружающем мире. В этом варианте звукоподражательная теория происхождения языка переходит в оноματοпоэтическую (греч. *оnуmа* «имя», *роesis* «образное выражение»). В отличие от предыдущей эта теория подчеркивает активную языкотворческую роль человека. Ономатопоэзия понимается широко: это не только воспроизведение окружающего мира звуков, но и образование слов для обозначения опоэтизированного представления о предметах. Такие слова возникают по принципу звуко-символизма, когда эмоциональные образы получают свое выражение в соответствующих звуках и звукосочетаниях. Еще в средние века, развивая учение стоиков, подобное понимание происхождения языка пытался обосновать Августин (ум. в 730 г.). Он считал, что латинское слово *mel* потому благозвучно, что им обозначается приятный на вкус мёд. И наоборот, режущее слух слово *acre* создает звуковой образ неприятного вкусового качества: *acre* — горький. В XVIII—XIX вв. эту теорию поддерживали такие выдающиеся лингвисты, как Вильгельм фон Гумбольдт, Гейман Штейнталь в Германии и А.А. Потебня в России. В их суждениях указываются ранее не замеченные точки взаимодействия звукоподражательной и оноματοпоэтической теории происхождения языка, намечаются новые направления осмысления структуры языкового знака, связи звуковых и мыслительных образов. Так, В. фон Гумбольдт считает необходимым различать следующие три способа вербализации (языкового выражения) понятий:

— имитацию в слове звуков, издаваемых предметами (живописное воссоздание его слухового образа), — *мяу-мяу, тик-так*;

— подражание не непосредственно звуку или предмету, а некоему внутреннему свойству, присущему им обоим (символический способ выражения понятий): [st] означает неподвижность (нем. *stehen* «стоять», *stetig* «постоянный», *starr* «неподвижный»), неустойчивость, беспокойство, движение обозначаются словами с начальным [w]: (der) *Wind* «ветер», (die) *Wolke* «облако», *wirren* «запутывать», *Wunsch* «желание»;

— аналогичное обозначение понятий, когда сходные значения выражаются словами, близкими по звуковому составу. При этом достигается полная гармония понятийного и звукового родства.

По Г. Штейнталю, язык — продукт духа народа; звуковая речь обуславливается духовным началом. Дух народа как основа его общественного сознания является источником духовной жизни, важнейшим компонентом которой следует считать речемыслительную деятельность. Языковое мышление, по Штейнталю, связано с выражением представлений о представлениях, вычлененных из сферы предметного мышления. Получаемое представление он

назвал внутренней языковой формой. Средством ее выражения выступает внешняя языковая, или звуковая, форма.

По концепции А.А.Потебни, в истоках языка лежат рефлексорные чувства человека, которые он выражает или при помощи междометий, или собственно слов. Ученый полагал, что слова произошли от междометий в результате сложных речемыслительных процессов. Вначале это простое отражение чувства в звуке: чувствуя боль, ребенок невольно издает звуки «ва-ва»; затем без участия взрослых происходит их осознание и услышав звуко-сочетание *vava*, он ассоциирует его с болью и причинившим ее предметом; наконец, смысловое содержание становится неотделимым от соответствующего звуко-сочетания. Завершающим этапом формирования двуединства мысли и звука является его понимание другими людьми. В отличие от В. фон Гумбольдта А.А.Потебня утверждал, что звуковые слова воспроизводят не впечатления от предметов, а те ассоциативные связи, которые устанавливаются между звуковым образом слова и образом наименованного предмета.

К первому направлению, объясняющему происхождение языка из человеческой природы, относится и биологическая теория, согласно которой речевая деятельность обуславливается сугубо биологическими функциями организма. Ребенок, как полагают создатели этой теории, начинает говорить так же естественно, как, достигнув определенного возраста, он встает на ноги и начинает ходить. К проявлениям биологических механизмов возникновения языка обычно относят детский лепет, гуление, «детские слова» (удвоение слога — *ма-ма, па-па, ба-ба*). На их базе якобы и возникли «настоящие» слова. На самом деле такие слова имеются в каждом языке, однако их значения не всегда совпадают. Ср.: у русских *дядя* — «брат матери или отца», у англичан *daddy* — «папочка», тогда как в русских диалектах словом *nana* называли хлеб, а отца — *тятей*. У русских *баба* — «мать родителей», у тюркоязычных народов *бабай* — «почтенный старик». Такие расхождения отвергают истинность биологической теории происхождения языка. Не подтверждают ее и случаи вскармливания детей волками: в изоляции от человеческого общества они лишены вертикальной походки, передвигаются по-звериному, на четвереньках, но самая главная их ущербность в том, что они не могли овладеть языком. Достаточно вспомнить хотя бы Маугли — героя книги Киплинга. Биологическая теория происхождения языка в последнее время оживляется идеями космического разума, существования внеземных цивилизаций. Возникают предположения о том, что человек и его язык — «дело рук» вселенского разума, что люди находятся в невидимой связи с другими живыми мирами. Совершенно сенсационным стало сообщение о том, что в одном венгерском селении вблизи города

Озд был обнаружен пятилетний ребенок-звереныш. Зовут девочку Микла Вира. Она стала объектом исследований группы крупных ученых — биологов, генетиков из нескольких стран Европы, США, Бразилии, России. Это первое подобное существо в истории науки. Микла прекрасно чувствует себя в обществе людей, в окружении сельской детворы. Вместе с тем к ней тянутся и животные. Она понимает их «язык», переводит его на язык людей. Ее умственные способности почти вдвое превосходят способности ровесников. Однако внешне она больше напоминает лохматого светлого пуделя, чем человеческого детеныша. Родилась Микла в горном селении. Когда крестьяне впервые увидели странного новорожденного, то решили, что это демон. Были даже попытки убить ее. Родителям пришлось прятать ее в хлеву вместе с домашними животными, пока она не стала научной сенсацией. «Способности Миклы поражают, — отмечает венгерский профессор Шандор Гауптман. — Мы надеемся при ее помощи проникнуть в мир звуковых сигналов животных, который оказывается значительно богаче, чем мы думаем». Исследования организма Миклы показывают, что в нем сочетаются черты и человека, и животного. Высказываются предположения, что ребенок является мутантом, который появился в результате эксперимента космического разума. Односельчане Миклы вспоминают, что пять лет назад в окрестностях Озда неоднократно появлялся НЛО.

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЯЗЫКА

В отличие от гипотез, основанных на биологической сущности человека, социальные теории исключают в качестве решающего стимула глоттогенезиса индивидуальное выражение человеческого естества (стремление выразить свое «Я», познать самого себя или имитировать окружающий мир звуков). Главным фактором возникновения человеческого языка являются, по мнению их создателей, общественные человеческие потребности. Эта идея пронизывает теорию общественного договора и теорию трудовых выкриков.

Договорная теория происхождения языка впервые зародилась в учении древнегреческого философа Демокрита. Возникновение языка он объясняет образом жизни и нуждами первобытных людей. Сначала, утверждал философ, жизнь первобытных людей мало чем отличалась от звериной. Питались они травами и плодами деревьев, в поисках которых рассредоточивались по огромной территории. Но страх перед хищниками заставил их объединяться, пользоваться взаимопомощью, прибегать к координации своих действий. Первоначально их голос был нечленораздель-

ным, бессмысленным. Однако постепенно установилась членораздельная речь, окружающие предметы и явления получили символическое обозначение. Так рождались первые слова. А поскольку знакообозначение было случайным, не «по природе вещей», то разные общности людей создавали разные языки. При несомненных достоинствах в рассуждениях Демокрита оставались, разумеется, и белые пятна. Среди них механизм превращения нечленораздельной звуковой цепи в осмысленную, членораздельную.

Одну из первых попыток устранить этот пробел предпринял Эпикур (342—271 гг. до Р.Х.). Переход к членораздельной речи он связывал с развитием особого способа выдыхания воздуха. Эпикурейцы Диоген и Лукреций усиливали в учении своих предшественников коммуникативный и изобретательский аспекты. Лукреций, например, подчеркивал, что выражать названия предметов людей побуждала необходимость в общении.

Человеческая речь в своем становлении прошла два этапа — эмоционального звукообразования и сознательного «изобретения» слов для выражения тех впечатлений, которые производили на них предметы. Большими поборниками теории общественного договора в XVII—XVIII вв. были Томас Гоббс, Луи Мопертьюи, Этьен Кондильяк, Жан Жак Руссо и др. В центре их внимания находились такие вопросы, как роль мышления в возникновении языка, преимущество жестового и звукового общения, первичность имен собственных по отношению к именам нарицательным и др.

Теория трудовых выкриков была разработана немецким ученым Людвигом Нуаре путем видоизменения гипотезы естественного звукообразования. Первыми словами, утверждал Нуаре, были те естественные звуки, которые сопровождали трудовые процессы первобытного человека или имитировали их, а также различные рефлексивные выкрики как результат физических усилий. Некоторые из них произносились для ритмизации работы. Позже такого рода выкрики закреплялись за определенными трудовыми процессами и стали их знакообозначениями, т. е. превратились в слова.

ЯФЕТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Создателем этой теории был один из теоретиков кавказоведения Н. Я. Марр — автор ряда основательных работ по истории, археологии и этнографии народов Кавказа и отдельным кавказским языкам, которые он называл яфетическими (отсюда и названия «яфетическая теория», «яфетическое языкознание»). Странное определение «яфетический» в этих сочетаниях было образо-

вано по аналогии с названиями семитских и хамитских языков. По библейскому преданию, у благочестивого и праведного человека по имени Ной¹ (строитель ковчега, которого Бог с его добрым семейством спас от всемирного потопа) было три сына — Сим, Хам и Яфет (Иафет). Расселившись после потопа в разных уголках земли, они стали родоначальниками целых этнических групп и соответственно языковых сообществ. Потомки Сима обосновались в Западной Азии и в Африке севернее Сахары. Поэтому языки, на которых говорят эти народы, называются семитскими (иврит, арабский, мехри, тигринья, амхарский и др.). Соседствуют с ними хамитские языки (древнеегипетский, кушитские, берберские, чадские и др.). Обе группы объединяются в единую семито-хамитскую семью языков. Севернее семито-хамитских территорий, согласно легендам, проживают яфетиды — потомки Яфета, которые впоследствии отождествлялись с индоевропейскими народами.

Словосочетание «яфетические языки» Н. Я. Марр первоначально изобрел для обозначения родства грузинского, мегрельского, сванского, чанского языков² с семито-хамитскими. Затем этот термин распространился на все мертвые языки Средиземноморья и Передней Азии, а также на иберийско-кавказские, баскский (Пиренеи), буришский (Памир).

Немаловажное место в яфетической теории Н. Я. Марра занимает проблема происхождения языка, изложение которой, как и всей яфетодологии, невозможно подчинить логике здравого смысла. Ученый акцентировал внимание на том, что у формирующегося человека первоначально возник кинетический³ (линейный) язык — мимика и жесты.

Остатки ручной речи (жестикулирования) он усматривал в общении североамериканских индейцев. Звуковая же речь, по его мнению, появляется у людей позднее, когда для этого были созданы необходимые производственные, идеологические и социальные условия.

Язык якобы возник на достаточно высоком уровне человеческой цивилизации одновременно с письменностью и первоначально имел религиозное предназначение. Язык удовлетворял производственные и магические потребности человека (труд и магия, по утверждению Н. Я. Марра, существовали в неразрывном единстве).

¹ Ной — спаситель зверей и птиц (по библейскому повествованию), родоначальник всего послепотопного человечества, потомок Адама в девятом колене, пращур Авраама и Моисея.

² Напомним: остатки Ноева ковчега с давних пор ищут в горах Кавказа. По гипотезе одних ученых он, причалив к горе Арарат, остался в одной из ее расщелин. Другие исследователи местом пристанища ковчега называют Урартские горы.

³ Греч. *kinetikos* — «приводящий в движение, относящийся к движению».